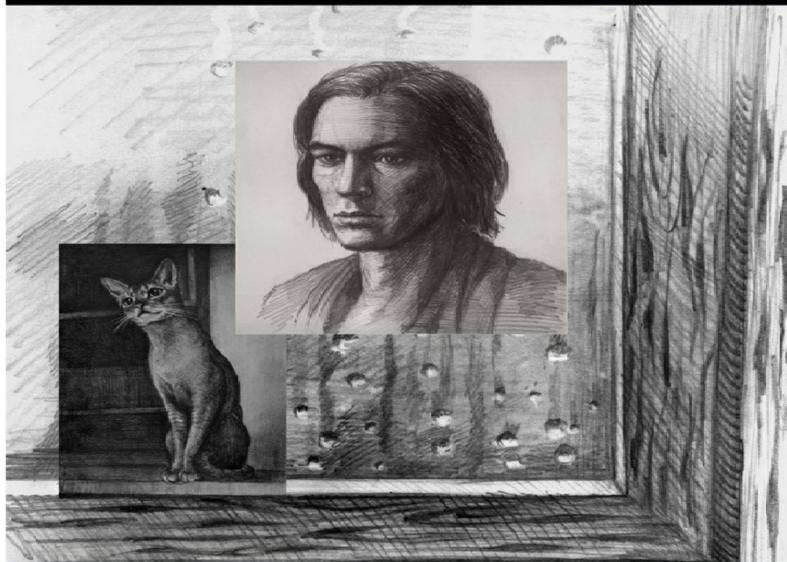

Виктория Камалова

Удар

16+

Виктория Камалова

Удар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49628397

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта повесть в стиле магический реализм о молодом талантливом художнике Вилли Майнде – сироте, живущем в Лондоне в 1900 году. Перед вами пронзительная история про Искусство, его магию, сложность выбора художника. А начинается она... с обычного удара, который изменяет всю жизнь Вилли, принеся ему чудесный, и, одновременно, пугающий дар. А потому вы ни за что не догадаетесь, чем окончится эта история, не прочитав до конца.

Содержание

Когда пытаешься изобразить что-то,
рождается странное ощущение,
будто никогда раньше не видел этого
предмета. Прямо на глазах рождается
нечто совершенно новое.

(Поль Валери)

В жизни бывают только две настоящие трагедии:
одна – когда не получаешь того, чего хочешь,
а вторая – когда получаешь.

(Оскар Уальд)

Глава 1

Проснулся и сижу в холодном поту. Руки дрожат. Что это было? Кто-то скажет – кошмар, но мне не важно название. Оно будит меня вот уже месяц. Прошлое не отпускает – терзает, лишает сил. Ночь не даёт покоя, сон не приносит отдыха. А снится мне мама. Она лежит при смерти и тянет ко мне бледные худые руки:

– Вилли, подойди, не бойся! Я чувствую, как болезнь отступает. Скоро я выздоровею и стану сильной. Спасибо, сынок, за помощь!

– О чём ты, мама? Что я могу сделать?

– А разве ты ещё не сделал! Ты можешь! У тебя дар, я знаю!

И тут я просыпаюсь. Задыхаюсь, слушаю, громкие, тяжелые удары сердца. Матушка уже год как на небесах, а я всё думаю, мог ли спасти её? Неужели в моих силах было продлить маме жизнь? И о каком даре она говорит? Отродясь ничем не выделялся – самый заурядный человек. После похорон я спал часа два в день, не больше. Но потом всё улеглось. И вот месяц назад ночи опять превратились в кошмар.

Иногда я думаю, что и Шекспир пережил такое, раз написал:

“Как я могу усталость превозмочь,
Когда лишен я благости покоя?
Тревоги дня не облегчает ночь,
А ночь, как день, томит меня тоскою”.¹

Но любая ночь рано или поздно заканчивается. Днем от грустных мыслей меня отвлекают дела. Я встаю в семь, умываюсь и готовлюсь к занятиям. Если есть еда, завтракаю. Сегодня – ломоть ржаного хлеба с чаем. Для кого-то это невкусно, а для меня – пир. Порой и этого нет. Главное, выпить стакан черного чая. Горячий и терпкий, он возвращает меня к жизни. Чай – обязательно. Еда – как повезет. К голоду нельзя привыкнуть, но во всем можно найти плюсы: если болит желудок, значит, я живой. А дневные заботы отвлека-

---

¹ У. Шекспир, Сонет №28. Перевод С.Я. Маршака.

ют от мыслей о еде. Я учусь живописи у мистера Бернадетти и к девяти утра прихожу в его мастерскую, где вместе со мной семеро учеников. Мы занимаемся с девяти до полудня каждый день, кроме воскресенья. Бывает, задерживаемся до часу дня. После двух и до семи вечера я помогаю мастеру в мастерской или по дому. Иногда мистер Бернадетти или его жена, должно быть, видя моё старание, отпускают меня пораньше.

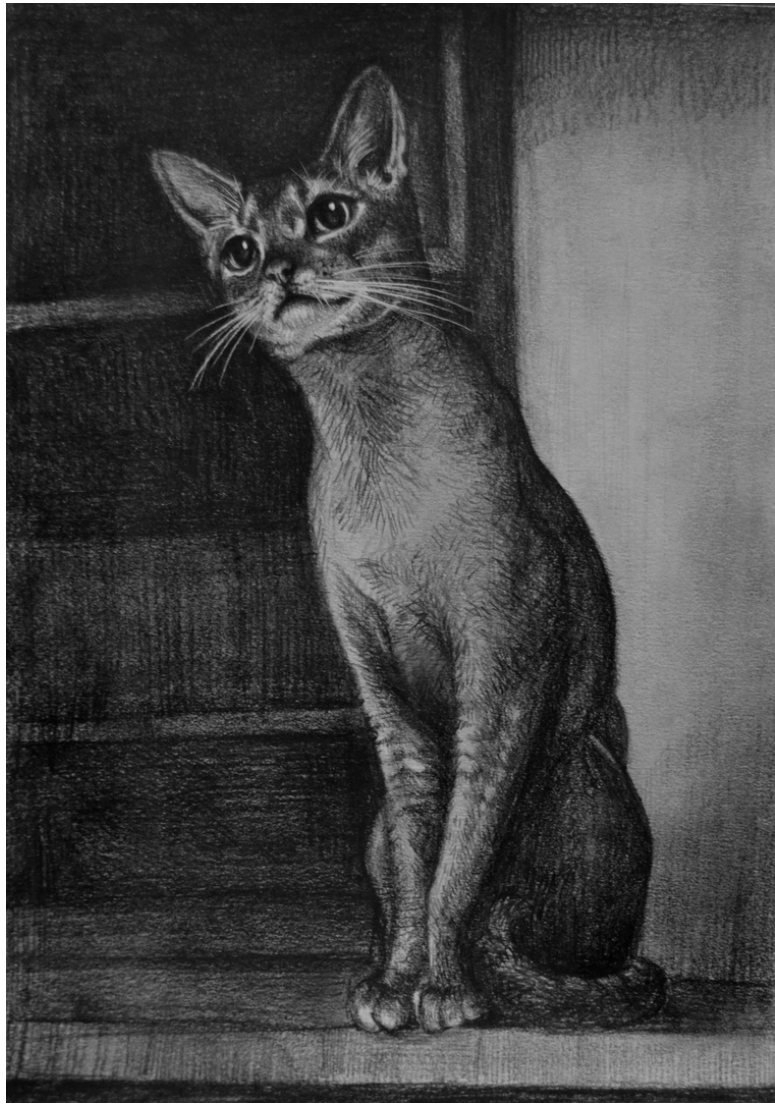
Я вбежал в мастерскую без четверти девять. Мастер говорит: «Кто рано утром придет, место у окна займет». Все хотят местечко посветлее. 1900 год на дворе, но художники по-прежнему стараются рисовать при дневном свете, как и сотни лет назад. Для меня мастерская – дом родной. Привык к ней за последние годы. Это большая квадратная комната – двадцать четыре на двадцать четыре ярда. Три больших окна. По одному на стене. Но всем места около окон не хватает. На четвертой стене окна нет, что и понятно: там дверь и полки, уставленные всякими художественными принадлежностями – красками, кистями, палитрами, маслами. На самом верху навалены холсты – на подрамниках и в рулонах. Вдоль стен стоят наши мольберты и еще есть два вместительных шкафа для графических работ – мастера и наших. По стенам развешаны картины Бернадетти. Под высоким потолком их помещается великое множество. Изредка приходят покупатели, и мы помогаем мастеру снимать картины. Но в основном мистер Бернадетти пишет на заказ. Работы уче-

ников, пусть редко, но тоже иногда попадают на стены. Мы считаем это огромным достижением. Завидуем друг-другу. Я горд, что уже несколько месяцев на стене висит портрет серого кота. Миссис Бернадетти устроила конкурс, и моя картина понравилась ей больше всего. Говорит, что её Бруно именно такой.

В мастерской похолодало. Немудрено. Октябрь! На несколько часов в день растапливали камин. Я не стремился сесть там, где жарко. Парни говорили, что я одержим живописью и поэтому не чувствую холода. Думаю, причина в другом: сейчас всего лишь осенняя прохлада, до зимних морозов далеко. Не люблю зиму. Сто одежек надевать и за камином следить. Мне приходится лазить через чугунный люк в угольный подвал рядом с домом Бернадетти и наполнять пурдониум² в доме. В одном ведре всего пять-шесть фунтов. Вот и приходится бегать несколько раз в день. В самые холодные дни мне в помощь дают ещё двух учеников из мастерской. Поэтому я и рад, что пока не зима.

---

² пурдониум – ящик для угля

Я сразу обратил внимание на новую постановку³. Обрадовался, что она не очень сложная и по цвету, и по предметам – всего восемь. Неделю назад мы рисовали овощи, и на столе было не менее тридцати предметов. Та постановка нас измучила. Такое изобилие мне не по душе. Я люблю лаконичность в натюрмортах. И вовсе не от лени. Рисовать могу весь день, но люблю простые композиции, в которых ничего ни убавить, ни прибавить. В этот раз нас ждала обыкновенная стеклянная ваза с розами, две книги, чернильница и перо. «Отлично! Особенно хороши нежные розы и черная грязная чернильница. Великолепный контраст», – подумал я. Приятный запах цветов доносился до меня, напоминая Шекспира:

«И только аромат цветущих роз -
Летучий пленник, запертый в стекле, -
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле».⁴

Матушка любила читать сонеты наизусть за вышивкой. Вспоминая эти строки, я установил мольберт, закрепил на нём подрамник с холстом и приступил к наброску с натуры. Кроме меня у мастера еще шесть учеников, но я сирота и не

---

³ постановка (тут) – постановочный натюрморт, который рисуют художники. Бывают натюрморты спонтанные, естественные. Тут натюрморт поставили с целью научить юношей рисовать.

⁴ У. Шекспир, Сонет №5. Перевод С.Я. Маршака.

плачу за обучение, как остальные. Мистер Бернадетти знал мою матушку. Полагаю, их связывало нечто большее, чем дружба. Но я не уверен. Перед смертью она договорилась с ним о моём трудоустройстве и обучении. Он – единственный якорь в моей жизни, теперь так похожей на бурное море. Надеюсь, я не бездарен, и его доброта не будет напрасной. Очень верю, что не только выживу, но и стану художником. Мечтаю, как разбогатею однажды и отплачу мастеру за доброту и науку.

Мы сидели вшестером. Обычно никто не опаздывал. Дэн только, и то на минутку-другую. Кто ж хочет штраф платить? Мистер Бернадетти не просто строг, а, можно сказать, повернут на дисциплине. Но я согласен с ним – художник должен работать много и с раннего утра. Дэн почти не опоздал. Мастер, к радости ученика, не заметил – давал распоряжения прислуге. Рыжеволосый веснушчатый Дэн – всеобщий любимец, всегда улыбался. Трудно представить его грустным. Он сияет, как солнышко в июле. Тепло и ярко. Второпях Дэн полез за ученическими холстами, что на самой верхней полке, но не дотянулся и позвал на помощь.

Я сидел ближе всех к полкам и уже было встал, чтобы помочь, но тут раздался грохот и несколько подрамников с холстами рухнули мне на голову. Знаете, я совсем не удивился. Мне всегда так “везёт”. Если на улице гололед, я буду первым, кто поскользнётся и упадёт. Когда матушка была уже больна, она часто проливала чай на стол, обливая всегда

именно меня. Обварила как-то. Как бы я хотел вернуть то время! Пусть повторится та боль или даже станет в сто раз сильнее. Но обо всём этом я подумал, когда пришёл в сознание.

Глава 2

Я открыл глаза и понял, что лежал на кожаном диване в соседней комнате. Мистер Бернадетти здесь отдыхал или принимал посетителей. Никогда не думал, что кожа так противно пахнет – как испорченная рыба. Вокруг меня суетились и взволнованно гомонили “собратья по кисточке” – все шестеро. Особенно убивался Дэн:

– Вилли! Слава небесам! Ты открыл глаза. Я так боялся, что убил тебя.

– Да жив я, жив. Подумаешь – холсты свалились!

– У тебя на носу синяк и на виске. На, приложи монетки.

– Лучше я встану. А синяки меня не пугают, – сказал я и подумал, что мое некрасивое лицо лишний синяк не испортит. Да и они ведь не надолго. День-два, ну, неделя.

Я хотел встать, но не смог. Всё вокруг закружилось, и меня затошнило. В ушах будто ветер зашумел. Пришлось сидеть на диване и смотреть, как ребята расходятся по мольбертам. Вдруг я почувствовал, как остро пахнет мастерская красками, маслами и лаками. Странно, раньше я не замечал этих запахов. Да, чувствовал, конечно, но это были обычные запахи мастерской. А чем ещё должно пахнуть в мастерской

художника? Минут через десять мне стало лучше, и я вернулся к работе. Сначала слабость и головокружение не давали сосредоточиться. Ушибленная рука неуверенно держала кисть. Но вскоре в голове прояснилось, и мошки перед глазами больше не мешали писать натюрморт. Мастер даже разрешил мне работать сидя. «И у болезней бывают плюсы», – подумал я. Кисть, как обычно, скользила по холсту, и я наслаждался живописью, не замечая времени. Казалось, прошло минут двадцать.

Но мы писали уже примерно три часа. Мистер Бернадетти объявил, что занятие окончено, и до завтра все свободны. Мы послушно расставили холсты вдоль стены и взволнованно ожидали приговора учителя. Мастер ходил, внимательно осматривал работы, почесывал лысеющую голову и поглаживал усы, которыми явно гордился:

– Не попал в тон. Справа сделай темнее. Причем намного. Не бойся темнить. Это масло. Белила возьмут свое в самом конце работы. Что-то с композицией. Немного ушел влево. Справа добавь лепестки роз на столе. Отходи подальше от холста и смотри на него, прищурив глаза. Недостатки иногда проявляются при таком методе. Отлично. Однако, поторопился проработать листья. Этим мы займемся завтра. Тормози себя немного. Какую кисть использовал для подмалевка? Нет! Нужна вот эта широкая с грубой щетиной.

– Вилли! – мастер остановился у моего холста.

Я насторожился. Всякий раз, выслушивая замечания учи-

теля, я трепещу и готов сквозь землю провалиться. Так хочется услышать: "Вилли! Это шедевр! Сегодня же твою картину выставят в музее".

– Вилли... Что с розами? У всех они свежие и яркие, а у тебя... Объясни!

– Я не знаю, мастер, – смутился я. – Голова ещё болит, наверное. Не пойму, как написал такое...

Только на моем полотне розы оказались увядшими, потерявшими цвет, а снизу я зачем-то нарисовал мертвую муху.

Ребята хохотали от души. Кто-то сказал, что, видимо, меня здорово бабахнуло по голове. Я тоже смеялся, хотя и не видел причин для веселья. Поразительно, но совершенно выпало из памяти, как появились у меня на холсте увядшие розы и тем более муха.

Настроение, которое итак не очень радовало после удара по голове, упало до нуля. Расстроенный я побрел домой.

Обед получился скудный – хлеб, каша и чай. Правда, и есть не хотелось. Я убрал остатки еды и вернулся в мастерскую, где с радостью узнал, что буду помогать Мэри, служанке мастера. Она мыла полы в доме и в мастерской, а я менял грязную воду на чистую. Тайком я любовался длинной шеей Мэри. Капельки пота поблёскивали на ней очень живописно. Игра света и тени на коже девушки приводила меня в восторг. Волосы Мэри спрятала под синий платок, который изумительно сочетался с ярко-голубыми глазами. Но во время работы одна непослушная русая прядь упала на шею, и я представил, как дома нарисую портрет Мэри. Прямо разложил всё по цветам – ультрамарин, небесная голубая, охра и сиена. Ещё добавлю теплого оранжевого, чтобы оживить холодные голубые тона. Мы уже почти закончили, как у меня опять закружилась голова. Я пошатнулся и разлил воду, уро-

нив ведро. Было стыдно, но Мэри не стала ругать, а, наоборот, потрепала меня по волосам и отпустила домой.

Я вернулся туда раньше обычного. "Привет, Спайди!" – привычно поприветствовал своего единственного друга – маленького паука, который сплёл себе паутину между шкафом и окном. Жил он в пыльной тени. Там, где солнце бывало только рано утром. Я радовался, что мог теперь хоть с кем-то поговорить. Когда было светло, рассматривал своего маленького друга. Серо-коричневый, неяркий. Да уж, внешность и ему, и мне Господь дал так себе. Я подбрасывал паучку мух – находил их и даже ловил специально. Жаль, что Спайди не мог говорить. Иногда так хотелось послушать какую-нибудь историю. Матушка была прекрасной рассказчицей. Теперь я сам придумываю все истории. Иногда рассказываю их Спайди. Наверное, так и с ума сойти можно. Хотя, живут ведь люди в одиночестве годами.

Спать я лёг рано – в шесть вечера. Открыл томик Шекспира, но читать не смог – буквы прыгали перед глазами, бумага вместо белой стала разноцветной, будто с акварельными разводами. "Не до чтения сегодня", – решил я, отложил книгу и провалился в глубокий сон. Удивительно, но кошмары мне не приснились.

Утром я встал выспавшийся и веселый. Даже завтракать не стал. Так мне хотелось поскорее вернуться в мастерскую. Странно, конечно, для вечно голодного. Просто попрощался со Спайди и помчался заканчивать вчерашний натюрморт.

Мастер и ребята уже были в мастерской. Но никто не работал, и висела тревожная тишина. По напряжённым взглядам я понял, что ждут они именно меня. Мистер Бернадетти стоял у двери.

– И что ты этим хотел доказать? – строго спросил он.

– Я не понимаю... Вчера мне было плохо. Я обязательно сегодня всё исправлю. Краска еще свежая.

– Что ж тут теперь исправлять?

Глава 3

Сначала я не понял, что учитель имел в виду. Но когда ребята перестали шушукаться около стола с постановкой и расступились, меня прошиб пот. На столе я увидел копию своего вчерашнего натюрморта. Розы завяли, часть лепестков облетела, а рядом с вазой валялась дохлая муха.

Если бы мистер Бернадетти не поддержал меня за локоть, я бы точно грохнулся на пол – так меня качнуло.

– Чья это работа? – мастер сурово посмотрел на учеников. – Вилли точно это первый раз видит. Он художник, а не актёр.

Тут он прав: актер из меня никакой. Никогда не смогу выступать на сцене. Я уверен в себе, только когда рисую.

Учитель усадил меня на стул и обошёл ребят, заглядывая каждому в глаза. Устроить такое представление несложно: вынул розы на ночь из воды и готово! А муху можно на полу найти. Но кому нужна такая нелепая шутка?

Дэн испугался не меньше меня. На его простецком лице всё написано. Может, это дело рук Тома? Но ни один мускул не дрогнул на его лице. Он мог, конечно, сыграть удивление и непонимание. Но нет, слишком уж он озадачен. Словом, казалось, что никто не виноват.

Мастер буркнул, что рано или поздно поймает шутника, и тогда тому несдобровать. Учитель ещё повздыхал, покачал головой и велел приступать к работе.

Мы встали за мольберты. Разумеется, я закончил быстрее всех, ведь практически всё написал вчера. Учитель дал мне уголь, два листа бумаги и отправил на кухню рисовать Мэри – сделать наброски её лица и фигуры в полный рост. Такую графическую разминку мы иногда делали перед портретами. Я с радостью пошел к Мэри.

На кухне у меня слюни потекли от запаха свежей выпечки. После смерти мамы я забыл, как пахнет свежий хлеб. Девушка всё поняла по моим голодным глазам и угостила меня сконом⁵, который я так быстро съел, что Мэри улыбнулась. Я рассказал ей про задание.

– Ладно, рисуй, – сказала она и продолжила уборку. На столе грудилась всякая кухонная утварь. Уму непостижимо, как женщины запоминают, что где лежит?

Мы молчали. Мне хотелось её спросить о чем-нибудь, но я робел. Мэри красивая. Очень! А я – самый обыкновенный. Среднего роста, худой, даже тощий. Серая, незаметная лич-

---

⁵ скон – популярная в Англии пшеничная булочка с изюмом.

ность. Простое узкое лицо. Мама говорила, у отца было такое лицо, и она считала его красавцем. Ну, не знаю... Я не видел отца, но верил маме. Помню, как она часто вспоминала какой-то сонет Шекспира:

"Природою ты создан, как печать,
Чтоб мог свой облик в детях повторять".⁶

Что тут скажешь? Шекспир всегда мудр и точен. Отец, вероятно, был неплохой печатью, раз такая красавица, как мама, его полюбила. Но я, в качестве оттиска, подвел. Бывает же так – ставят печать, а получается не очень четко.

Через час я закончил несколько набросков. Мэри посмотрела, улыбнулась и грустно вздохнула:

– Жаль, что в жизни мне никто не даст поносить такую брошь.

– Что за брошь, Мэри? – удивился я.

– Смеешься? Вот же, смотри, ты сам её нарисовал!

И тут я увидел, что нарисовал на блузке Мэри небольшую, но изящную брошку. Но когда, я не мог вспомнить. Я списал невнимательность на головокружение и расстроился, что ещё не совсем выздоровел.

– Мэри, не говори никому о брошке, ладно, – попросил я. – Не хочу лишних насмешек. У меня что-то странное с головой. Но я постепенно вылечусь.

– Хорошо, я не скажу никому. А может, у тебя от голода кружится голова? Вот, я отрезал полбуханки. Возьми! Ми-

---

⁶ У. Шекспир, Сонет №154. Перевод Н.Самойлова.

стер Бернадетти разрешает давать тебе хлеб.

Я взял еще теплый, завернутый в белую льняную салфетку, хлеб, поблагодарил Мэри, и мы расстались.

Вечером, в мастерской, Бернадетти учил меня готовить краски. Нужна хорошая память, чтобы запомнить весь процесс и не сбиться. Удивительно, но я всё схватывал с первого раза. Подумал даже, что процесс выздоровления, скорее всего, уже пошел. Эта мысль порадовала. Тут в мастерскую заглянула Мэри и попросила учителя выпустить меня на минутку по важному делу. Тот двусмысленно ухмыльнулся, но отпустил. Сказал только, чтобы мы шли болтать в кухню.

– Вилли, это... – Мэри задыхалась от счастья. Глаза её горели, а щеки зарумянились.

– Что? Говори скорее! Меня дела ждут.

– Смотри, – она указала на грудь.

На блузке Мэри красовалась та самая брошь, которую я сегодня нарисовал. Трудно, конечно, сравнить с угольным наброском, но не узнать украшение было невозможно.

– Где ты её нашла?

– Представляешь, мне эту красоту хозяйка подарила. Выпали три камушка, и застежка не всегда срабатывает. Но я умудрилась застегнуть. Миссис Бернадетти собиралась её выбросить, но потом увидела меня и решила порадовать. Как же удачно я ей подвернулась! Слава небесам! Нет сегодня человека счастливее меня. Только, Вилли, откуда ты узнал про брошь?

– Мэри, успокойся. Просто совпадение. На рисунке может быть любая другая брошь. Вспомни, линии там быстрые, нечеткие. Когда мы смотрим на эту нарисованную брошку, мы включаем воображение. А представить можно что угодно. Прости, не хотел тебя напугать.

– Да нет же! Я так рада этой брошке. Спасибо, Вилли!

Она быстро чмокнула меня в щеку, смутилась и убежала. Я стоял как истукан всё еще ощущая тепло нежных губ на щеке. Вдруг голова снова закружилась, перед глазами поплыло, и вокруг всё померкло.

Глава 4

Я очнулся на полу кухни. Вокруг суетились Мэри и Кэтти. Они дали мне стакан воды, и я выпил залпом всё до последней капли. Кэтти работает только на кухне – стряпает и прибирается. В доме я её вижу редко – раз в месяц примерно, во время генеральных уборок.

Девушки взволнованно суетились вокруг меня, а сквозь открытую дверь в кухню на меня смотрела встревоженная морда Бруно. Я еще не рассказывал вам, что кроме Спайди у меня есть друг – серый кот. Тот самый, которого я рисовал для хозяйки. Зовут его Бруно, и подружились мы с ним при очень интересных обстоятельствах.

В тот день меня послали разгружать продукты, которые привезли два мужика. Здоровенные, куда крупнее меня. Оно и понятно: я – художник, они – грузчики. Я помогал Мэри носить коробки и ящики на кухню и раскладывать их по местам. Бруно учуял съестное и крутился под ногами.

Один из грузчиков грубо пнул его. Бруно взвизгнул и отлетел ярда на два. Мое сердце застучало громко и часто. Я не испугался, просто кота стало жалко. Руки и ноги мои затряслись, и я набросился на мужика с криком: "Не трогай кота! Что он тебе сделал?" Грузчики остолбенели от моей наглости. Но быстро пришли в себя и стали меня избивать. О, это они делали мастерски. Перекидывали меня друг другу как мяч. После первого удара показалось, что я вот-вот потеряю сознание – так было больно. Ещё секунду-две я сопротивлялся, но от сильного удара в живот задохнулся, сложился

пополам и упал. В глазах потемнело. Пытался встать, но мужики принялись бить меня ногами. Я сдался. Наверное, они меня убили бы, но на шум пришла миссис Бернадетти.

От её крика грузчики вытянулись в струнку и стали оправдываться, точно школьники, мол, малец первый начал. Я подтвердил их слова, и хозяйка отпустила грузчиков. Но Мэри не смолчала. Рассказала, как я заступился за кота. Помню, как сидел на полу, размазывал рукой кровь по лицу и с удовольствием слушал её похвалу.

Подошёл Бруно, потёрся широким лбом о мою ногу, заурчал и принялся слизывать кровь с моей руки. Растроганные миссис Бернадетти и Мэри дали нам с Бруно молока, а мне достался ещё и кусок пирога.

Только дома я понял, как сильно меня отколошматили. Тело покрылось огромными синяками и ныло. К шишкам на голове нельзя было притронуться.

Правда, болячки скоро прошли, а расположение Мэри и миссис Бернадетти осталось.

Бруно стал моим другом и позволял себя гладить. Раньше-то он сторонился всех людей кроме хозяйки.

Как-то раз, он притащил на кухню дохлую мышь. Хотел подарить мне, но напугал Мэри. Она завизжала, выгнала Бруно и мышь следом вымела. Но наших отношений с котом это недоразумение не испортило.

Однажды Бруно меня защитил. Отплатил добром за добро. Это случилось на Пасху. Миссис Бернадетти испекла кек-

сы и позвала всех учеников на кухню. Мы пришли, взяли каждый по теплomu ароматному угощению и поблагодарили хозяйку. Она что-то рассказывала, и я положил свой кекс на стол и отвлекся. А когда вспомнил про него, оказалось, что он исчез. Проглотить его никто бы не успел, но сунуть в карман времени было предостаточно. Я сразу подумал на Сида – у него глаза бегали. Но что я мог сделать? Сказать: "Верни кекс"? Но я же не видел, что это Сид украл его.

Вдруг Бруно налетел на Сида, вцепился в его штанину и громко замяукал. Миссис Бернадетти испуганно вскрикнула: "Прекрати, Бруно! Ты что, взбесился?" Но кот не слушал.

Тут я и признался, что подозреваю Сида в воровстве. Миссис Бернадетти строго посмотрела на него и заявила: "Если сам не покажешь, что у тебя в карманах, я позову мужа". Сид начал мямлить, а потом достал из карманов два кекса. Мне стало жаль его – наверное, хотел есть, как и я. Как не понять голодного человека? Я простил его. Миссис Бернадетти улыбнулась, потрепала кота и тоже простила Сида. Странно, но мы с Сидом неплохо ладим. Правда, не дружим.

А вот Бруно стал мне еще ближе. Вспоминая случай с кексом, я называю его про себя: "Мой серый усатый защитник". Жалко, что у меня дома нет кота или кошки. Конечно, есть Спайди, но пауки так недолго живут... После смерти матушки я понял, что мне неуютно жить одному. Бруно был бы мне отличным другом и компаньоном. Но я не стану заводить кота, пока не буду уверен, что смогу прокормить его.

Мэри и Кэтти отпустили меня домой. Несмотря на лёгкое головокружение, я добрался без приключений, свалился в свою кровать и проспал до утра. И что важно – в последнее время мне перестали сниться кошмары. Ну и слава Богу...

Глава 5

Проснулся я в отличном настроении. Утро выдалось тёплое, без дождя. Красивый осенний день. Сварил на завтрак кашу, пусть и на воде, и нашёл под столом толстую муху для Спайди. Осень, а мух я еще находил иногда. Везло мелкому!

Мистер Бернадетти объявил, что мы отправляемся на пленэр. «Пока стоит почти летняя погода, – сказал он, – надо запечатлеть осеннюю красоту». Мы миновали несколько унылых дворов, по соседней улице дошли до парка и расположились у входа. Мастер расставил нас так, чтобы у каждого был свой ракурс, и все принялись рисовать деревья и здания.

Мне достались три совершенно разных дома и растущие рядом вязаы. Я любовался фасадами и, странно, но сравнивал их с карманными часами. Вместо шестеренок – окна, украшенные растительным орнаментом, а маленькие балконы – золотая цепочка. Двухэтажное здание слева выделялось жёлтой штукатуркой. Местами она потемнела, но выглядела по-прежнему нарядно, оттеняя роскошную белую лепнину. Мясной магазин на первом этаже оживлял пейзаж незримым присутствием людей. Двухэтажный особнячок в центре, пусть и не кичился пышностью отделки, сочетанием корич-

невого и охры гармонировал, казалось, с самой осенью. Третий же дом портил всю красоту – серая, полуразрушенная постройка. Я сравнил его с песочными часами. Только песка в них осталось мало. Трагически мало. «Напишу развалину последней», – подумал я.

Привычными движениями я выдавил краски на палитру, огляделся и невольно задумался. У каждого художника есть любимые цвета. Они словно кочуют из картины в картину. Глядя на палитру и на осенний Лондон, я понял, что мои как раз из осенней гаммы. Кадмий желтый, охра, сиена, умбра, марс коричневый. Как я их люблю! Мягкие, теплые, отлично смешиваются со множеством других красок. Как говорит Бернадетти, “хороши в замесе”. Впрочем, не обойтись без ультрамарина и белил. Без них небо не напишешь. На осеннем пейзаже нельзя без теплоты красного и оранжевого. А холодные зеленый и фиолетовый – просто обязательны. Краски на палитру я наношу в определенной последовательности, как учил Бернадетти. И вот ведь какая штука: они будоражат мое воображение, шепчут, что вот-вот начнется волшебство.

Осень глубоко обосновалась в моей голове вместе с пожелтевшими листьями вязов, еще живыми, с красными и зелеными прожилками. Зашумели листья под ногами прохожего. Шуршание – это звук осени? Нет, осень тиха. Это люди шуршат опавшими листьями. Звук дождя! Вот настоящий звук осени.

В тот день дождь был совсем некстати. Мы же рисовали на открытом воздухе. Тучи подбирались всё ближе. Мы то и дело поглядывали на них с опаской. Мастер торопил. Я писал быстро, насколько мог.

И тут пришла мысль упростить композицию. Я вспомнил слова учителя, что порой логично изменить что-то в угоду красоте картины, и оставил на холсте только два здания. Добавил продавца, суетящегося за витриной магазина и опавших листьев на земле. Сами же деревья выписал реалистично. Хотел бы в мелких подробностях, но времени не хватало.

«Вот бы изобразить листья, чтобы все услышали их шуршание! Этот грустный осенний звук», – фантазировал я. Пока такого мне не удавалось. Зато дымка вокруг крон явно оживила пейзаж. Почудилось, что картина рассказывает о сегодняшней погоде, о том, что скоро пойдет дождь.

И дождь пошел! По команде мистера Бернадетти мы собрали мольберты, свернули холсты и помчались в мастерскую. Переведя дух, мы расставили работы, и мастер осмотрел их. Как всегда, он строго и рассудительно оценил наши творения, указывая на недочёты.

Я нервно чесал лоб, опасаясь, что учитель примет “улучшения” композиции за ошибки. Но Мастер, напротив, похвалил меня, сделав несколько замечаний по цвету – посо-

ветовал к теплой гамме в листьях добавить совсем немного холодных акцентов. Сердце перестало колотиться бешено, будто я мило пробежал. У меня всегда так, когда волнуюсь. Ненарисованную развалюху так никто и не заметил.

После занятий я натёр пол в мастерской, помог мистериу Бернадетти натянуть холсты на подрамники и разобрать краски и кисти. Мне хотелось увидеть Мэри, но она так и не появилась. Я шёл домой и мечтал написать по памяти её портрет. Но после уборки жилища сил хватило только на скудный ужин и короткий разговор со Спайди. Перед сном я немного почитал, в десять лёг в кровать и проспал до семи утра.

Глава 6

– Доброе утро, Спайди! – радостно крикнул я. – Что-то необычное со мной происходит. Больше нет ночных кошмаров! Понимаешь? Эх, не слышу я тебя... Всё молчишь.

День начался хорошо. Но ещё на подходе к мастерской я услышал гул оживлённых голосов и по обрывкам фраз понял, что учитель и ребята обсуждают пожар на соседней улице. Неведомая сила развернула меня и заставила бежать к месту вчерашнего пленэра.

Я за три минуты домчался до входа в парк и застыл, глядя на пепелище, дымящееся на месте ненарисованной мной развалюхи. Немного придя в себя, я испугано огляделся, будто люди вокруг могли прочесть мои мысли. Постройки

вокруг пожарища не пострадали. Закоптились только. Видно, пожарные не дали распространиться огню. ”Ветхие дома вспыхивают мгновенно. Факт! – рассуждал я. – Но почему именно перед пожаром мне так не хотелось рисовать эту развалюху?”

Настало время вернуться в мастерскую. Там мистер Бернадетти расставил написанные им портреты и рассказывал о пропорциях человеческого лица, делая на листе бумаги быстрые наброски углем. Много я уже знал и применял в портретах. Очень хотелось приступить к работе, но мастер словно тянул время.

Ждали Ника. Он часто подрабатывал в мастерской натурщиком, позируя нам и учителю. Обычно не опаздывал, но сегодня явился на двадцать минут позже. Мы слышали взволнованные голоса Ника и мистера Бернадетти, но поначалу не понимали, о чём они говорят.

Ник умолял отпустить его к доктору. По дороге к нам какая-то полоумная девка выплеснула из окна кипяток, думая, что на улице никого нет. Но Ник как раз появился из-за угла. И вот теперь его ошпаренные щека и плечо краснели ожогами.

Мистер Бернадетти позвал Мэри, и она втёрла Нику в кожу зелёную мазь, от которой по всей комнате запахло травами и лекарствами. Ник терпел, стиснув зубы, но пару раз вскрикнул. Я вспомнил, как матушка обварила меня чаем. Боль нестерпимая. Бедный Ник! Я не понимал, почему учи-

тель не отпустит его к врачу. Но к моему удивлению, через десять минут натурщику полегчало, и он остался работать. «Ай да Мэри!» – восхитился я.

Мастер помог Нику оголить торс, и мы принялись рисовать портрет натурщика. Дэн спросил, рисовать ли ожоги? Учитель ответил, что люди разные, и рисовать их надо по-разному. «Ясно, реализм так реализм», – кивнул я и сел за мольберт.

Мы начали с набросков. Потом взялись за кисти и краски. На небольших холстах работа шла быстро. За три часа мы сделали очень много. Ещё бы час-два и портреты были бы готовы. Ребята толпились у стены, расставляя холсты.

Я подошел к стене последним, поставил холст, и у меня задрожали руки. Увидел, что опять приукрасил натуру. Ник вовсе не был так хорош, как на моём холсте. Он, конечно, не урод, но и не такой симпатичный. И самое главное – я изобразил его с чистой здоровой кожей, без ожогов. Более того, зачем-то нарисовал на руке Ника кольцо. Для чего я его придумал? Ник поднял руку, слегка касаясь щеки, и кольцо казалось тут очень кстати.

Когда мистер Бернадетти дошел до моей работы, я в очередной раз упал в обморок. Возвращаясь из темноты, почувствовал, как меня тормозат и обливают водой. Услышал голос мастера: “Вилли, с тобой творится что-то странное! Я бы даже сказал, ужасное. У тебя явно проблемы со здоровьем. И дело не только в обмороках, но и в твоих последних работах.

Понимаешь меня? Хорошо. Сам по себе портрет изумительный. Я вижу большой прогресс. Однако, не могу согласиться с таким кардинальным изменением действительности. Розы ты испортил, а Ника зачем-то сделал красивее. Мы пишем с натуры. Ты что забыл? Очевидно, всему виной твое здоровье. Даю тебе два дня. Отдохни. Я запрещаю тебе даже появляться в мастерской. Вот тебе деньги – купи побольше еды”.

Я поблагодарил учителя и ушёл. Выходя из мастерской, увидел Бруно, потрепал его по шее, послушал урчание его "моторчика" и побежал в продуктовую лавку. Конечно, сразу потратил все деньги. Скажу честно, покупать что-то, кроме съестного, мне неинтересно. Пока матушка была жива, я каждый день хорошо питался. Теперь же у меня не было денег, а еды восемнадцатилетнему парню – почти взрослому – требовалось всё больше и больше. Но сегодня я накупил всё, о чем давно мечтал. Порой еда мне даже снилась.

Дома я разложил продукты на кухонном столе и разделил их на три дня. Это казалось чудом! Три дня я буду есть досыта! Сейчас главное не сорваться и не слопать всё за один вечер. Благо, одинокая жизнь научила меня бороться с голодом и быть практичным.

Я довольно плотно поужинал и лег спать пораньше. Портрет Ника отнял много сил. Никогда раньше я не выматывался так, как за эти три часа работы. Обычный портрет, казалось бы. Такие ведь писал и раньше. Но даже мастер отметил, что хорошо получилось. Я признался себе, что доволен

работой, но ожоги тоже надо бы нарисовать. Они ведь совсем не страшные, хоть и большие. Так, засыпая, я переписывал портрет Ника снова и снова.

Глава 7

Утром я привычно вскочил, но вспомнил, что мне не нужно никуда торопиться. Целых два дня! Но только я собрался лечь в постель, в дверь постучали. Пришлось прикрыться пледом и открыть дверь. На пороге стоял Ник:

– Привет! Я, наверное, слишком рано, – смущённо извинился он, – можно войти?

– Нет-нет! Вовсе не рано. Проходи скорее, – пригласил я гостя и не преминул похвастаться: – У меня сегодня выходной!

Ник остановился посреди комнаты и оттянул ворот куртки:

– Смотри, Вилли!

– Прости, не понял, – насторожился я.

– Я всё видел вчера. И твой рисунок, и обморок, и слышал слова мистера Бернадетти. А сегодня ожоги прошли, от них и следа не осталось.

– Это же здорово! Не иначе, Мэри намазала тебя волшебной мазью, – искренне порадовался я.

– Ладно, а что ты на это скажешь? – Ник выставил ладонь и растопырил пальцы. – Нашёл его утром, в грязи около дома. А, как тебе?

В голове у меня помутилось, я попятился и плюхнулся на стул. На пальце Ника поблёскивало золотое кольцо. В точности такое, как я нарисовал вчера на портрете.

– Ник, знаешь, извини, – пробормотал я, не сводя глаз с украшения, – я сегодня, и правда, нездоров. Давай в другой раз поговорим. Пару дней отлежусь, отъежусь. Только, пожалуйста, не говори никому.

– Само собой, отдыхай, – спохватился Ник и положил на стол увесистый свёрток. – Но как же не говорить, Вилли? Почему? Это же чудо!

– Всё надо проверить, так много неясного... – промямли я и, не найдя веских аргументов, привлёк Ника в сообщники:

– Сохраним пока нашу тайну.

– Эх, – он огорчённо поджал губы, – я уже рассказал кузену Дагу. Но ничего, я его предупрежу, – заверил меня Ник и положил руку на свёрток. – Тут мясо вяленое и вино. Поправляйся!

Я поблагодарил Ника, закрыл за ним дверь да так и остался стоять у порога. Розы, муха, сгоревший дом, Мэри с брошкой, Ник с кольцом... Многовато для простых совпадений. Неужели это всё из-за моих рисунков?

Я позавтракал. Отрезал кусочек мяса, вдохнул аромат специй, и долго жевал, закрыв глаза и наслаждаясь тонким забытым вкусом. Вино я припрятал, настроение и без него было приподнятое.

В мастерскую идти не нужно, но без рисования я не могу

и дня прожить. Освещение только дома плохое. Я увеличил огонёк керосинки и поставил рядом с ней три свечи. Другое дело! Потом погладил ладонью чистый картон на мольберте, провел большим пальцем по щетине кистей и посмотрел на своего ручного паука – люблю разговаривать, когда рисую дома.

– Привет, Спайди! Как дела? Вот тебе муха, – я прицепил к паутине крошечный трупик. – Вкусная. Ешь! А я буду себя рисовать. Называется: «автопортрет». Удобная штука. Модели платить не нужно. Знай себе поглядывай в зеркало и пиши.

Я положил на стол четыре толстые книжки и прислонил к ним мутное зеркало. Спайди заинтересовался мухой и бойко заматывал её в паутину.

– Скажешь, – вздохнул я, – такое лицо не годится для портрета? Некрасивое, даже ничуть не симпатичное. Согласен... Но для модели красота не так важна. Бернадетти говорит, что в каждом человеке есть своеобразие и особая красота. И я ведь могу себя немного приукрасить. Знаешь как, Спайди? Нарисовать себя в шляпе, например. В элегантной черной, в пиратской, в белой поварской. Может быть, цвета индиго. В головном уборе я стану старше и симпатичнее. И уж разумеется, я не буду рисовать ужасные угри. Очень хочется обойтись без них. Остальное я нарисую как есть. Как учит мой мастер. Когда лет шесть назад у меня появились угри, матушка сказала, что к восемнадцати годам они прой-

дут. И что? Мне уже восемнадцать, а такое ощущение, что угри останутся со мной до самой смерти.

Да, Спайди? Ты прав. Я разнылся. Пора смириться и с кожей, и с кривыми зубами. Я просто перестал улыбаться, открывая рот. Вот и решение проблемы!

Волосы. Нарисую немного волнистые. У меня они прямые и довольно густые, но очень жирные. Только вымою голову, через день они снова выглядят грязными. Глаза. Оставлю как есть. Только усилю блики. Будто улыбаюсь глазами. Слегка ироничный взгляд. Спайди, а я часто улыбаюсь? Наверное, каждый день, когда вижу, как ты встречаешь меня, сидя на паутинке. А вот у маленького паука улыбку не рассмотреть. Но я уверен, что ты тоже рад меня видеть.

Шея получилась мощная, мускулистая. Обман, конечно. Я худой. Мама говорила: "Копия отца". Когда она говорила о нём, каждое слово было согрето любовью. То есть, наверное, он был как я, только красивый? Ну, дело вкуса. Отец умер, когда мне было всего два года. Сердечный удар. Никаких воспоминаний о папе у меня не осталось. Мы всегда жили с мамой одни. Я часто её вспоминаю. Мамины уникальные лучистые желтые глаза. У меня такие же, разве что менее яркие. Мамины – желтые, а мои – цвета охры.

Спайди, ну-ка посмотри. Как тебе? Не очень похож, да? Это я, когда стану успешным художником. А это обязательно произойдет. Я чувствую, что уже многое могу. Спайди, опять хвастаюсь? Хоть бы сказал: "Вилли, надоел ты мне сво-

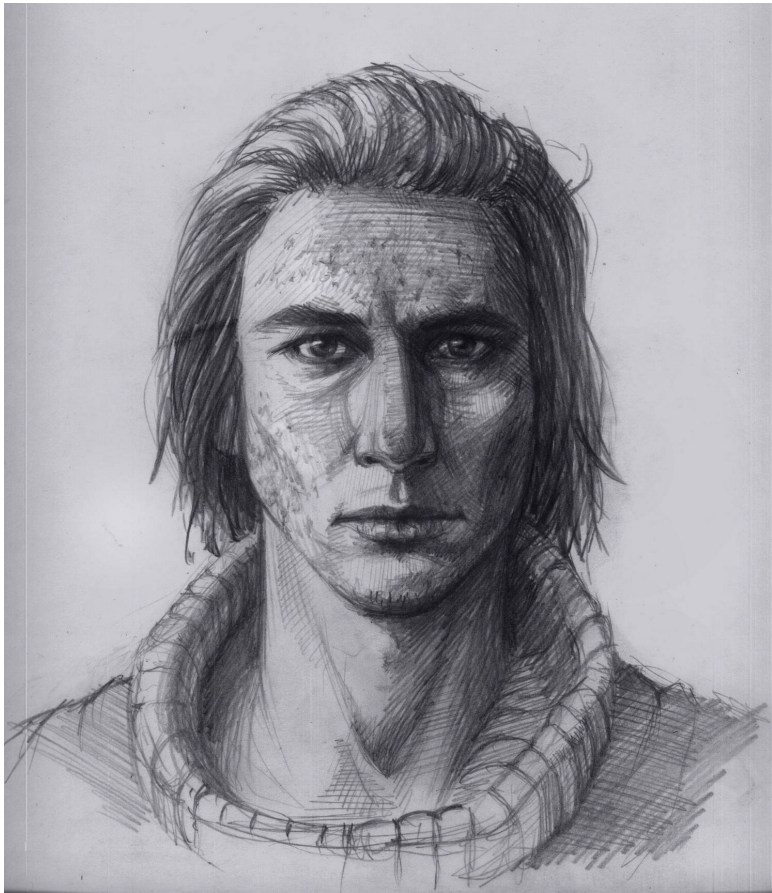
ей болтовней. Стань скромнее". Что ты за друг?! Молчишь день и ночь.

Я отошёл назад и осмотрел автопортрет, сверяясь с зеркалом. Ужасно! Мало того, что непохож, так ещё и с пропорциями наврал. Я схватил кисть и замазал отвратительную физиономию сиеной жжённой – как раз в цвет картона: высох-

нет, напишу что-нибудь поинтереснее. И натурщика симпатичного надо найти. Да, прав Оскар Уальд: «Только пустые и ограниченные люди не судят по внешности».

Я немного успокоился и вспомнил слова мистера Бернадетти: «У каждого из вас впереди тысячи ужасных картин. Чем быстрее вы их пройдёте, тем быстрее доберётесь до хороших». Точно! Сегодня я стал на одну плохую работу ближе к шедеврам.

Глава 8

Я привык многое успевать за день – с утра учёба, работа

в мастерской, рисование дома, уборка вечером. Вот и в тот день отложил неудачный автопортрет, потушил свечи и решил навести порядок в платяном шкафу. Внезапно появилась мысль, что если не избавлюсь от вещей матушки, ночные кошмары вернуться.

Я давно продал остальные платья, юбки и блузы, которые были в неплохом состоянии. Получил мало, но тогда и эти деньгигодились. Теперь таких хороших вещей не осталось. Еще я сглупил – продал мамино золотое кольцо. Его сразу купили за хорошие деньги. Но потом дошло до меня, что скучаю по ней, и хотел бы вернуть то кольцо. Вспоминаю его на маминой руке. Её худой, бледной руке. Я бы многое сейчас отдал, чтобы вернуть его. Даже, вдруг подумал, надел бы его на мизинец и носил дома. Может быть, мне стало бы немного легче. Кольцо ведь хранило её прикосновения. Золото – такой теплый металл... Злился на себя, что всё сделал не так.

Оставил из платьев только синее с кружевным бежевым воротником и красивой вышивкой – какие-то фантазийные голубые с белым цветы. Помню, как матушка вышивала их зимними вечерами. Платье было маминым любимым и удивительно ей шло – ультрамарин прекрасно гармонирует с желтыми глазами. Мы никогда с ней не говорили о цветах, но я знаю, что она тонко чувствовала их сочетания. Если соберусь писать её портрет, то, несомненно, в этом платье.

Разбирать женские панталоны и чулки, пусть и чистые,

мне совсем не хотелось, но пришлось. Крепкую ткань я нарезал кусками – в хозяйстве пригодится, а ветхую – выбрасывал. В одном из чулок зашуршала бумага, я запустил руку внутрь и вытащил аккуратно сложенный листок. Развернул и увидел написанный маминым почерком адрес: Кенсингтон-роуд, дом 7, квартира 5. Вместо имени стояли заглавные буквы: «ГБ».

Не знал, что у мамы были знакомые в богатом Найтсбридже. Он не чета нашему Ист-Энду. Я решил, что времени у меня много, и вполне можно сходить туда пешком. Далеко, конечно, но долгие пешие прогулки мне сейчас полезны.

Шел я часа три. Любовался центром Лондона – красивыми домами, мостами, музеями. Наконец, нашел нужную улицу и дом. Свежевыкрашенный в светло-желтый цвет, четырехэтажный, с балконами, украшенный лепниной. Он казался мне королевским замком.

Позвонить в квартиру № 5 я не решался. На табличке, рядом со звонком, значилось: «Мистер Бит». Вот бы он оказался маминым родственником. Возможно, и не знает, что мама умерла, ведь никто не пришел на ее похороны. Но я отбросил мысль о родственнике. Богатый родственник – смешно. Скорее, знакомый. Может, врач? Нет, на табличке уточнялось бы, что он доктор. Я ходил около дома, рассматривая его и набираясь смелости.

Из здания вышла элегантно одетая пожилая леди. Я поразился её гармоничному наряду – черная шляпка с бирюзо-

вым цветком, темно-серое пальто и черные кожаные перчатки с такой же, как цветок, бирюзовой отделкой.

Дама подозрительно посмотрела на меня. Наверное, подумала, что я мелкий воришка. Мне захотелось уйти, но она подошла и спросила:

– Вы кого-то ищите, юноша?

– Да... Мне нужен тот, кто живет в пятой квартире.

– Мистер Бит? Удивитесь, но я так и поняла. Не сомневаюсь, что мистер Бит – ваш отец. Ведь люди постоянно говорят, что вы на одно лицо? Я знаю Генри уже много лет. До болезни он был красив и силен. Как-то был немного... пьян и проговорился, что у него есть сын. Потом спрашивала его, но Генри отрицал.

– Генри Бит? Ну, да... простите. А мне можно пройти к нему? – В голове застучало: “отец” – сначала ошеломляюще, потом ужасающе. Он не умер!

– Разумеется, вы можете пройти. Он давно и серьезно болен. В прошлом году переболел испанкой. Доктора говорили, что умрет, но выжил, слава Богу. Грипп дал осложнения на сердце и суставы. Генри почти не встает. Он очень, очень слаб. Зайдите и порадуйте отца. Смелее. Звоните же. Служанка откроет вам.

Я нажал кнопку звонка и подумал: " Вот и всё, отступить поздно. Не может быть правдой, что тут живет человек, который бросил нас с мамой, тот мерзавец, кто даже не пришел на её похороны. Кем надо быть, чтобы бросить женщину с

маленьким ребенком?!"

Дверь открыла молодая девушка и спросила, что мне нужно? Я ни с того ни с сего ляпнул, что мистер Бит будет рад меня видеть.

Служанка провела меня в небольшую комнату, которая хоть и не отличалась роскошью, выглядела куда богаче моей хижины. Смушал только затхлый воздух. Казалось, комнату давно не проветривали. На кровати у окна лежал худой старик. Не просто худой – скелет. У него, действительно, было моё лицо, но только морщинистое и небритое несколько дней.

– Кто там, Полли? – слабым, едва слышным голосом спросил он.

– Молодой человек, мистер Бит, – крикнула она хозяину и прошептала мне: – Как вас представить?

– Вилли Майнд.

– Мистер Бит, к вам Вилли Майнд. Он сказал, что вы будете рады его видеть.

Я неуверенно шагнул вперёд, не решаясь приближаться к кровати, и еле-еле выдавил:

– Мистер Бит, вероятно, я – ваш сын. Здравствуйте! Меня зовут Вилли.

Глава 9

– Вилли?! Сынок! Подойди ближе! – оживился старик.

Я подошёл вплотную к его кровати. Отец повернул ко мне голову:

– Я видел тебя два года назад. Возмужал. Прости, что не заходил. Как мама?

– Она умерла. Год назад.

– Умерла? Боже! – Старик прикрыл глаза ладонью и невнятно забормотал себе под нос. – Где её похоронили? – он кое-как справился с эмоциями.

– На кладбище Торнтон. Двадцать пятого октября.

День похорон вспомнился в мельчайших деталях. Тогда я остался совсем один. Едва сдерживая гнев, я взглянул на отца. Губы его дрожали

– Поверь, я не мог вас навещать. Тогда сам умирал от испанки. Чудом остался жив. У меня ужасные осложнения. Я почти не встаю. – В глазах старика читалась мольба.

Я не верил ни единому слову. Всё во мне кричало, что передо мной предатель и виновник маминой смерти. Но я удивительно спокойно сказал:

– Всё позади. Мой опекун – мистер Бернадетти. Он – художник. Я учусь у него, скоро стану художником и буду писать на заказ.

– Замечательно! Ты хорошо рисовал в детстве. Мама показывала твои рисунки. Она так гордилась тобой, Вилли.

– Вами она тоже гордилась, но говорила, что вы умерли, когда я был совсем маленьким.

Отец закрыл выцветшие глаза, лицо его покраснело, по

впалым щекам потекли слезы. Я смутился, что стал виновником этих слез. Какой в них смысл теперь? Зачем мучить старого больного человека? Мне даже стало жаль отца.

– Простите, – потупился я.

– Вилли, что ты! Это я должен просить прощения! Знаешь, а я ведь тоже рисовал в молодости. Говорили, подавал большие надежды. Но как только у меня появились богатые заказчики, я испугался...

– Испугались? Чего? – Я забыл, что минуту назад считал его предателем. Теперь мне стало любопытно.

– Ты можешь прийти завтра? – устало выдохнул отец. – Я очень слаб. Не могу говорить дальше. Прости!

– Да, я приду, конечно, – не думая, согласился я.

– Хорошо. Подай мне вон ту шкатулку, пожалуйста. На верхней полке.

Я встал на цыпочки, взял шкатулку из слоновой кости и протянул отцу. Тот открыл её и достал несколько банкнот:

– Вилли, вот, возьми! Сто фунтов. Больше пока не могу. Сейчас у меня практически ничего нет. Только эта квартира. Но это твои деньги. Возьми, сынок, прошу.

– Спасибо! Но это очень много, – смутился я. Столько денег у меня было лишь перед похоронами матушки, когда продал кое-что из мебели и то самое кольцо.

– И хорошо. Только не истрать за один день. Протяни подольше.

– Конечно. Спасибо, мистер Бит! – назвать его отцом всё

ещё язык не поворачивался.

Мысли путались, но я радовался, что теперь не сирота и огромной сумме денег. Что-то новое назревало в моей жизни.

– До завтра, сынок!

– До завтра! Спасибо! Я обязательно приду и помогу, если надо что-то сделать по дому.

Отец еле заметно улыбнулся. Носовым платком он вытирал покрасневшие глаза и всхлипывал.

Я не знал, как поделикатнее уйти.

Внезапно в комнату вбежала девушка лет двадцати.

– Папуля, вот и я! – крикнула она.

Я застыл, ошарашенный мыслью: "А вот и моя сестра..."

Глава 10

Через десять минут, уже на улице, вдохнув свежего воздуха, я понял, как душно было в квартире отца. Наедине с Виолой я немного оробел. Сестра! Это же чудо! Воистину, Бог есть! Она была светла, как ангел, и пахла цветочными духами.

– Не смущайся, – тронула меня за локоть Виола. – Ты что, никогда не ходил на свидание? Пойдём посидим вон там на скамейке.

У витрины бакалейной лавки Виола остановилась и, глядя на своё отражение, поправила волосы. Я не мог глаз отвести от сестры. Мне хотелось нарисовать уверенность в её

глазах, волевой подбородок, улыбку. Невольно я сравнивал нас. Удивительно, черты лица почти одинаковые, но Виола выглядит ярко, а я – незаметный. Белка и крысёныш. Мелькнула мысль, что я, возможно, недооцениваю своё лицо.

Виола тоже увидела наше сходство:

– Вилли, мы так похожи! Приглядишься.

– Вижу.

– Лучше бы тебя назвали Себастьяном.

– Почему?

– Потому что у тебя сестра – Виола.

– А, да, – улыбнулся я. – Люблю "Двенадцатую ночь"⁷, но

там они были близнецами.

– Ну и что? Какая разница! У нас своя история. Как же я рада, что мы встретились! Ты даже не представляешь!

На скамейке в небольшом парке мы наперебой рассказывали друг другу о жизни. Виола ужасалась моими обстоятельствами, а я восхищался её жизнелюбием и любознательности. Столько занятий для одного человека – уроки пения, фортепиано, французский – огромная нагрузка. Я осмелел и попросил её что-нибудь тихонько спеть. Она сначала смеялась и отнекивалась, а потом запела бархатным густым голосом, поменяв Бонни на Вилли:

My Willie lies over the ocean

My Willie lies over the sea

My Willie lies over the ocean

Oh bring back my Willie to me...⁸

Голос был изумительный. Бархатный и густой. Виола пела тихо, но я чувствовал, что она может намного сильнее. В

---

⁷ комедия У.Шекспира

⁸ старинная шотландская песня – My Bonnie lies over the ocean

голосе одновременно были сила и нежность, глубина и ирония. Я могу поклясться, что никогда раньше не слышал ничего подобного.

– Да ты – готовая певица! – воскликнул я.

– Правда? – обрадовалась Виола. – Спасибо! Я буду поступать в консерваторию в следующем году. Пока учусь у Миссис Симонс. Она со многими знаменитыми певцами занималась. Опытная, знающая, но ужасно строгая.

– А что отец про твое пение говорит? Уверен, что хвалит.

– Говорит, что я талантлива. Только часто задает один и тот же странный вопрос... Спрашивает, не происходит ли что-нибудь необычное, когда я пою. Смешной, да? Я ему говорю, что весь мир расцветает, как сад весной. Но ему мало. Спрашивает: "А потом?" Не понимаю, что он хочет услышать?

– Кажется, я понимаю. Но я рисую, а не пою.

– И что с тобой происходит?

– Я... Нет, не могу пока это описать. Я завтра тебе всё расскажу, ладно? Ни с кем еще про это не говорил. Да и не с кем, если честно. Только с пауком дома разговариваю.

– С пауком? – она звонко засмеялась, так же мелодично, как и пела.

– Да. Со Спайди. Я кидаю ему мух и рассказываю о своих бедах. Клянусь, он меня понимает!

– Если паук с именем, значит, он – твой питомец. Это прекрасно. Но я боюсь пауков. Волосатые лапки – ужас. Твой

Спайди бегают по тебе? Ой, как представлю, прям холод по телу.

– Не бойся! Спайди – маленький. Меньше полдюйма. И он не слезает с паутины. По мне ни разу не бегал.

– Да, тебе непросто, Вилли. Но можешь теперь со мной говорить. Завтра наболтаемся!

Увы, ей пора было идти. Миссис Симонс отпустила Виолу всего на час, и он уже прошёл. Расставаться не хотелось. Сердце щемило, хотя мы и прощались всего лишь до завтра. Теперь я не одинок. Да, я – незаконнорожденный. Плевать! У меня есть отец, в которого я пошёл способностями, и прекрасная сестра. Она уходила, оборачиваясь, улыбаясь своей неземной улыбкой.

Я пообещал нарисовать для Виолы цветок на маленьком холсте. Она попросила, чтоб непременно полевой и бабочку над ним.

Тут я вспомнил про деньги. Я же могу купить одежду и что-то для рисования. Например, холст для Виолы. Зашел в лавку для художников и купил пару холстов разного формата и две новые кисти. И все лучшего качества. Продавец удивился. Он знал меня и, несомненно, помнил, что я вечно экономлю.

Вот и дом. Открыл дверь и громко крикнул: "Спайди, я нашел родственников. Ты понял, друг?"

Паук, конечно, промолчал, но мне показалось, что он посмотрел на меня понимающе. На полу мух не оказалось, но

одна нагло сидела на буханке хлеба. Мне потребовалась пара минут, чтобы поймать её и бросить на паутину. Спайди с благодарностью принялся за трапезу.

– Ешь спокойно. А я выпью чаю и нарисую миниатюру для Виолы. Для сестры, Спайди. Она – такое чудо!

Но тут я вспомнил про деньги. Нужно было их спрятать куда-то. Оставлять деньги дома – глупо. Их могут украсть. Хорошо, что матушка научила меня подшивать брюки. Я достал иголку и нитки из её шкатулки, подвернул брючины и, равномерно распределив купюры за подгибом, дважды прошил. Пусть не очень умело, зато надёжно. Сердце подсказывало, что деньги мне скоро пригодятся.

Я надел брюки и походил. «Сойдёт», – оценил я работу, чувствуя, что притомился.

Собрав на стол богатый, по моим меркам, ужин, я на радостях отхлебнул вина. И тут же упал в обморок. Успел только подумать: "Черт подери, когда же я выздоровею?!"

Когда пришел в себя и открыл глаза, то с ужасом понял, что это вовсе не мой дом. Я лежал связанный в тесной тёмной комнате.

Глава 11

Я хотел позвать на помощь, но тщетно – рот был заткнут вонючей тряпкой, от которой тошнило. Голова кружилась. «Сон?» – мелькнула слабая надежда. Дверь открылась, и в сарай вошел мальчик лет десяти. Худенький, испуганный, в

потрепанной одежде. Он вытащил кляп и дал мне воды:

– Пейте.

– Ты кто? – спросил я его, когда отплевался и напился.

– Меня зовут Пит. Буду приносить еду, воду, убирать за вами.

– Почему я здесь?

– Не знаю. Сказали, потом объяснят.

– Кто? Когда?

– Не знаю. Мне нельзя с вами разговаривать. Не спрашивайте ни о чем.

Не успел Пит договорить, как вошли ещё трое. Я сразу понял, кто из них главный. Высокий худощавый брюнет с пронзительными серыми глазами – скорее, даже злыми, с тяжёлым хищным взглядом коварного загнанного зверя. Он жестом велел Питу выйти и приказал спутникам заковать меня в кандалы. Мне на ноги надели железные браслеты, соединённые такой тяжёлой цепью, что я едва мог ходить. Зато сняли верёвки с рук, и я с облегчением помассировал затёкшие запястья.

Главный спросил:

– Как ты, Вилли? Или называть тебя Вильям?

– Как хотите зовите. Почему я тут? Что вам от меня надо?

У меня нет денег.

– Спокойно. Это ненадолго. Но свободу ты должен заслужить.

– Вы о чем?

– Ты ведь художник?

– Начинающий. Вот Бернадетти – художник, настоящий мастер.

– Бернадетти мне совершенно не интересен. Хочу заказать тебе, именно тебе, свой портрет, – Главный смотрел на меня и ухмылялся. – Если он мне понравится, отпущу тебя и заплачу.

– И чем же тут рисовать? – спросил я, думая, что его улыбка похожа на волчий оскал. Волк – вот ему настоящее имя.

– Вот бумага и карандаш. Напиши список всего, что тебе нужно. Не стесняйся. Пиши с запасом. Я куплю, а Пит тебе принесёт. И смотри, – прохрипел Волк, наклоняясь ко мне, – не приставай к пацану с вопросами.

Сначала я не мог заставить себя писать. Голова гудела. Пытался понять суть происходящего. Какой смысл меня похищать? Выкуп за меня некому заплатить. Что Волку нужно на самом деле? Но рисовать мне хотелось, и скоро я написал длинный список. Стоило мне постучать, как в дверях тут же появился Пит. Он молча взял список, кивнул и исчез, с лязгом и скрежетом навесив снаружи тяжёлый замок.

На следующий день Пит принёс завтрак, сгибаясь под тяжестью большого мешка. Мальчишка уже не выглядел испуганным как вчера. Видно, освоился со своими обязанностями. Передал мне и холсты, и краски, и кисти, и свечи. Словом, всё, что заказывал. Я бросил мешок в угол и аккуратно разложил на столе все принадлежности.

Никак не мог понять, где нахожусь. Что это, сарай, комната в заброшенном доме, склад? Окон нет. Дверь новая, тя-

жёлая и прочная. Пит обмолвился о второй комнате, но где она, сразу ли за дверью, или там ещё коридор, пока неясно.

Я решил начать с натюрморта. Взял самый маленький холст и начал набросок кувшина и ломтя хлеба. Но не успел закончить, как явился Волк.

– Всё по списку получил?

– Да.

– Готов рисовать портрет?

– Да, но вы должны позировать. Сидеть передо мной, не двигаясь. И довольно долго. Пока я не запомню ваше лицо и не смогу продолжить по памяти.

– Вот дерьмо! Времени совсем нет. Давай сейчас. Минут пятьдесят есть, может, чуть больше. Буду... как ты сказал, позировать?

– Да. Садитесь на стул.

– Хочу сидящим в красивом кресле. Но у меня пока нет такого. Так можно?

– Да, я оставлю для него место на холсте.

– Что ты там рисовал?

– Натюрморт.

– Что? Малец, говори понятнее!

– Вон, видите, на столе кувшин с водой и хлеб. Натюрморт – это вещи, не люди. Художники часто пишут натюрморты – вазы с цветами, фрукты, овощи.

– Понятно. Ладно, меня рисуй, а не этот натур... шут с ним. И говори проще, чтобы сразу понятно было.

Я взял чистый холст и писал ровно час, внимательно изучая натуру, как сказал бы Бернадетти. Передо мной сидел красивый мужчина, но его портили шрамы и порезы на лице, выражавшем усталость, боль и злобу. Скажи мне кто, что у него дома любимая женщина или счастливые дети, никогда бы не поверил.

Когда Волк уходил, я решился спросить:

– Почему вы не пришли ко мне домой и не заказали портрет по-хорошему?

– А ты сам не понимаешь?

– Нет.

– Скажу завтра. Может, и сам догадаешься. Не дурак вроде. Не торопись, старайся. Привыкай, ты тут надолго. Хотя, посмотрю ещё, правда ли, ты лучший художник в Лондоне, – хмыкнул он. – И запомни, будешь шуметь, убью. Я словами не сорю!

Кто ж сомневался? Он точно не шутил. Я отложил холст, прокручивая в голове угрозу Волка убить меня. Чтобы отвлечься вспомнил Виолу и отца. Они думают обо мне? Волнуются? Я ведь обещал прийти. Жаль, не оставил Виоле свой адрес! Просто сказал, что живу в Ист-Энде. Как я радовался вчера, и как мне сегодня печально. Почему я здесь? Ведь у каждого события в нашей жизни есть причина. Понять бы что привело меня сюда.

Мысли спутались. Я вернулся к холсту и еще час писал Волка. Ко мне вдруг вернулось ощущение потока, а в голове зазвучала музыка. Может, это разновидность головной боли?

Портрет мне даже стал нравиться. Я писал, писал и писал. Пока рука не задрожала.

Волк появился утром. Глаза его взволнованно горели, а голос звучал радостно:

– Уже получается! Ты изменил мое лицо!

– Что? – опешил я. – Как?

– Это ты мне скажи “как”! У меня за ночь исчез самый большой шрам. Смотри, ты его не нарисовал. Лоб стал чистым. И, судя по портрету, лицо ты закончил. И я теперь уверен, что твой дар – не выдумки.

– Простите, о каком даре вы говорите?

– Наивный ты парень, Вилли. Подмастерья Бернадетти растрепали о тебе в трактире. Я сразу подумал, что должен первым использовать такой талант. Не очень-то поверил, просто решил попробовать. Я знаю Ника. Он у Берна-

детти, как ты это называешь, позирует. Случайно подслушал их разговор с Дагом. Ника обварила какая-то карга, а после того, как ты его нарисовал, ожоги прошли, будто и не было ничего. Потом узнал, где ты живёшь. Дальше – всё просто: дверь у тебя еле держится, добавил снотворное в вино, и готово. Ты теперь у меня. Кто станет искать? Клянусь всеми святыми, это удача!

– Отпустите меня... – робко прошептал я.

– Не торопись, Вилли. Порисуй. Используй свой дар и сделай меня богатым. Очень богатым. Мне нужны деньги и власть! Черт, желания очень просты. Куда уж проще? И прекрати рисовать красавца с чистеньким лицом. Шрамы меня не волнуют. Деньги! Вот, что должно появиться. Золото тоже пойдёт, – засмеялся он и, уходя, хлопнул дверью.

Глава 12

Кормили меня скромно, но сытно. Без матери я привык к простой, а порой и скудной еде. Пит принес обед, и я съел всё до последней крошки. Особенно мне понравился пирог с печенью.

– Кто так вкусно готовит? – поинтересовался я.

– Энни. Моя старшая сестра, – Пит гордо вскинул голову.

– Передай ей спасибо. Никогда не ел такого вкусного пирога. Он просто растаял во рту. Я бы съел в три раза больше.

– Хорошо. Она меня про вас всегда спрашивает. Жалеет.

– Может быть, она знает, почему я тут?

– Она не уверена, но говорила, что у вас необычный дар. Из-за него и страдаете теперь.

– Дар?

– Да. Говорит, дар рисования. Только не выдавайте меня. Наболтал тут лишнего.

Пит ушел, а я, раздумывая над своим так называемом даром, продолжил работу над портретом Волка. Он и сам не заставил себя ждать. Лязгнул замок, и не успел я моргнуть, как Волк уже уселся позировать. Сказал, что у него опять всего час. Я набрался смелости и попросил его поговорить о чем-нибудь со мной.

– О чем, Вилли? – растерялся Волк.

– Всё равно... Может быть, про детство. Просто хочу вас лучше узнать.

– Даже не знаю, – пожал плечами Волк. – Мне не очень везло в жизни. Вырос в бедной многодетной семье. Нас было пятеро детей, и мы постоянно голодали. Когда младшие, близнецы, умерли, и детей осталось трое, никто не расстроился. Казалось, все даже обрадовались. Мы говорили: «Их забрал Господь». Мама постоянно работала – готовила, стирала, шила мужские рубашки для продажи. Старшая сестра помогала ей шить, но даже вдвоем они зарабатывали очень мало – денег едва хватало на неделю. Иногда и меньше. На пропитание в основном зарабатывал отец. Ребенком я не мог понять, чем же он занимается. Лишь когда подрос, до меня дошло, что отец был самым настоящим разбойником. Его

нанимали, чтобы проворачивать тёмные делишки. Не сомневаюсь, что он и людей убивал. Иногда он пропадал – уходил в долгий запой. А когда подолгу оставался дома, начинал крушить всё вокруг и кричал: " Не могу больше. Достаточно!" В такие моменты мы прятались от него, как мыши от кота. Только мама его не боялась.

Тут он остановил рассказ. Глаза Волка погрузнели. Стали холодными и серыми – индиго в разбеле. Я даже подумал, что он заплачет.

– Давай помолчим, – тихо сказал он.

После его воспоминаний мне стало легче писать. Я снова попал в поток. Линии, мазки – все сразу получалось как надо. Я рисовал Волка реалистично, стараясь не отходить ни на шаг от природы. Уже приступил к краскам, сделал подмазку. Дело спорилось, но у Волка закончилось время.

На следующий день он был нетерпелив:

– Вилли, что ты надумал?

– Ничего. Понятия не имею, как у меня это получилось. Я нарисовал все ваши шрамы, но исчез почему-то один. И произошло это помимо моей воли. Но одно я вам скажу: после вашего рассказа я стал намного лучше вас чувствовать, поверьте.

– Что ж, спрашивай. Продолжим разговор.

– Помните, вы остановились на том, что матушка никогда не боялась вашего отца.

– Точно. Смотрела на него огромными серыми глазами

и словно говорила: "Убей меня, если хочешь! Я смертельно устала от такой жизни". Я боялся, что отец ударит маму, делает ей больно. Но он ни разу её не тронул. Мама рассказывала мне, что в первый год семейной жизни он поднял на нее руку. Отец был пьяный. Придрался к чему-то незаслуженно. Но мама моментально ответила. Схватила нож и порезала ему руку. Порез был глубоким, кровь кругом. Но мама и виду не подала, что испугалась. Видимо, тогда отец понял, что эта женщина скорее умрет, чем даст себя в обиду. Я не мог представить себе маму такой – боевой, бесстрашной. У меня перед глазами встает образ измученной, уставшей женщины. Голодной и невыспавшейся.

Кстати, у меня серые глаза, как у мамы. Интересно, что у всех ее детей были серые глаза. А ведь отец был кареглазым. Я очень похож на него внешне. Во всём, кроме глаз. Мой младший брат умер от кори. Нас осталось двое – я и сестра Кристи. Её спасло замужество. Удачное, конечно. Ее муж – сын мясника. Кристи не по любви вышла за него, но очень быстро привыкла, родила двух детей и теперь счастлива. Большая шумная семья. Знаю, Вилли, у тебя нет родственников, и не поймёшь, видимо, что это такое шум в доме день и ночь. Кристи иногда жалуется, что, как и мама, всегда мечтает о сне. Но дети скоро подрастут, выпится.

Он замолчал. Снова вспомнил мать – взгляд выдал его. Он очень любил её. Это я хорошо понимал. Мысли о маме никогда меня не покидали. Я сравнивал двух женщин и думал,

что моя была счастливее. У нас была половина дома. Когда я спрашивал её о том, как мы в него въехали, она всегда уходила от ответа. Говорила о каком-то наследстве. Понятно, что его нам купил отец. По сравнению с беднотой Ист-Энда мы жили очень прилично. Я знаю, что те, кто бывал у нас дома, всегда отмечали чистоту. Мама была чистюлей. Сеанс подошел к концу. Волк попрощался и вышел. Я продолжал писать без него, но вдруг почувствовал усталость и отложил холст и кисти. Очень хотелось спать. Пришел Пит с обедом, но к еде я не притронулся. Пит заволновался, спросил, не заболел ли я. Мне пришлось возмутиться, но чуть позже я понял, что, и правда, простыл. Поднялась температура, душил кашель, бил озноб. Пит принес еще подушку и два одеяла. Но всё равно я дрожал от холода. Мне казалось, что проваливаюсь в черную яму и уже не выберусь из неё.

Глава 13

Болезнь усиливалась. Я потерял счёт времени, путая день с ночью. Вокруг суетились люди, но я не узнавал их. Прошла вечность, прежде чем Волк привёл врача. Боялся, понятно, показывать меня в кандалах. Первой пришла старушка и сказала, что меня сглазили. Она оставила микстуру от заговора. Я принял её дважды, и к моим бедам добавилась рвота. Старичок-аптекарь, знакомый Волка, оставил уже нормальные лекарства – два вида настоек. Одну я пил два раза в день, утром и вечером, а вторую – через каждые три часа. Она бы-

ла от кашля, но совсем не помогала. Он усиливался. Особенно тяжело было ночью. Поспать удавалось немного днём. Температура то спадала, то поднималась. Часто по вечерам меня бил озноб. Волк запаниковал. Я слышал, как он кричит на Пита. Мальчишка испуганно заикался: "Пусть Энни мне п-поможет. Я не сп-правляюсь один".

Так у моей постели появилась его старшая сестра. Поначалу я не мог толком рассмотреть её. Так мне было плохо. Видел только, что у неё светлые волосы, голубые глаза... Энни не отлучалась ни на минуту. Наверное, еду теперь готовил кто-то другой. Но еда меня не волновала. Аппетит пропал. Я только пил. Энни давала мне микстуры, вытирала пот со лба, расчесывала мне волосы, подкладывала бутылки с горячей водой, когда меня знобило. Однажды я услышал, как она сказала Волку: "Если не позовете настоящего врача, Вилли умрет. Вы этого хотите?" Впервые за последний год появился человек, которому важно, чтобы я выжил. Девушка боролась за мою жизнь. Она спорила с самим Волком!

И он её послушался. Пришёл врач. Ему заплатили за молчание. Представляю его шок, когда он увидел оковы на моих ногах. А может, Волк и припугнул его. Сквозь бред и озноб я услышал, как врач ругал Волка, выписывая новые лекарства. Еще он сказал, что нужна вторая, хотя бы маленькая, чугунная печка. Первая стояла там, где сидели Пит и ночной охранник – старик Мёрфи. Доктор пообещал вернуться через два дня и ушёл.

Я понемногу выздоравливал. В комнате поставили печку, и знобило меня уже реже. Сознание прояснялось, и, наконец, я рассмотрел Энни. Она сидела рядом с кроватью и спала, прислонившись головой к стене. Я смотрел на неё и запоминал нежную бледную шею, светлые пряди, ниспадающие на спину – прямые, тонкие, пушистые. Жаль, что в конуре моей темно. Как бы я хотел увидеть Энни при дневном свете. Какая же она красивая! Большой рот. Губы удивительной формы, словно вырезанные умелым скульптором. Идеальное лицо. «Богиня», – другого слова я не находил. Сравнивал её с восходом солнца, которого давно не видел. И вот появилась Энни и заменила его:

“Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод”.⁹

Энни проснулась. Наверное, почувствовала мой взгляд:

– Я давно сплю?

– Нет.

– Как ты? Хочешь пить или есть?

– Только пить.

– Вот вода. Пей. Я подержу стакан.

Я пригубил воду. Стало полегче. Нашел силы, чтобы сесть. Энни тут же положила подушки мне под спину.

– А читать ты любишь? – неожиданно спросил я.

---

⁹ У.Шекспир. Сонет № 33 Перевод С.Я.Маршака

– Нет. Ну, – смущённо спохватилась она, – мне некогда читать.

– Но ты же можешь мне почитать?

– Могу. Я хорошо читаю. Но тут нет ни одной книги. Вот Мистер Такер придет, мы у него спросим.

Я сообразил, что Мистер Такер – это Волк. И сразу подумал про "Двенадцатую ночь", про Виолу. Я часто вспоминал её и отца и радовался, что они ничего не знают про меня. Зачем втягивать их в это странное дело? Такер – человек жестокий и решительный. Отец вряд ли ему сгодится, а вот Виола из зажиточной семьи. Он станет её шантажировать, я уверен. В общем, решил никому про них не рассказывать.

Такер появился через час. Энни рассказала ему, что мне стало лучше, и я попросил книгу.

– Книгу? – удивился он. – Вилли, ты уже можешь читать?

– Нет, мне пока тяжело. Но я бы послушал "Двенадцатую ночь" Шекспира.

– Почему именно её?

– Мама любила Шекспира. Она когда-то ходила в театр и рассказывала мне про эту комедию.

– Не проблема. Занесу сегодня. Рад, что тебе легче. Энни, следи, чтобы он принимал все лекарства и ел хорошо.

Такер ушел явно довольный. Наверное, понял, что я не умру.

А через два часа Пит передал нам новенький томик "Двенадцатой ночи". Энни заставила меня плотно поужинать. Не давала мне книгу, пока всё не съел. Вкусные тушеные овощи раньше я бы проглотил мгновенно, но теперь, из-за слабости, ел медленно. Энни заварила чай и дала мне кусок пшеничного хлеба, намазанный вишневым джемом.

– Вот это да! – улыбнулся я. – А себе ты намазала?

– Нет. Это только тебе.

– Отрежь себе половинку. Я никому не скажу.

Энни не стала спорить. Я видел, что ей приятно. Она разделила хлеб на две части. Мы сидели рядом, пили чай, понемногу откусывали сладкий хлеб и смеялись. Энни рассказывала про брата. Пит, оказывается, тот еще сладкоежка. Постоянно ворует у матери джем из банки и куски сахара. Его часто ловят, ругают, порют даже. Но Пита не остановить. Сладкое дома – большая редкость, и как его не прячь, Пит находит всё равно. Я посетовал, что мы забыли про Пита. Надо бы мой кусок разделить на троих. Но Энни сказала, что маленький сладкоежка и без нас голодным не останется.

Настало время читать. Я словно ждал встречи с мамой и сестрой! Любимая мамина комедия, и мы с Виолой, как близнецы из этой пьесы, разве что только я не Себастьян.

Глава 14

Энни открыла книгу. Читала она, и правда, хорошо. Не

очень артистично, но это и не так важно. Мама, конечно, лучше знала текст – выдерживала паузы, расставляла акценты, забавно комментировала. Энни тоже старалась читать артистично, но задавала много вопросов:

– «И с той поры, как свора жадных псов, его грызут желанья...» Вилли, это плохие желания? Жадные псы – это что-то плохое?

– Почему плохое? Шекспир хотел сказать, что Орсино пылко влюблен.

– Зачем же так грубо про любовь?

– Это не грубо. Так Шекспир доносит до нас силу его чувств. Читай дальше!

В следующий раз она споткнулась на пьянке, где Сэр Тоби говорит: "Я буду пить за неё, покуда у меня глотка не зарастет". И мы стали обсуждать пьянство. У Энни год назад был парень, с которым она несколько раз встречалась, – какой-то Майкл. Но она увидела его один раз пьяным и моментально разлюбила. Очень напугал он её своим буйным нравом. Ну, тут я немного расслабился – парень в прошлом – это лучше, чем парень в настоящем. Пить я не собирался. Как хотелось думать, что с Энни у нас будут не только отношения сиделки и пациента. В будущем, конечно. Пока такой слабак, как я, мог быть только пациентом.

Потом Энни смеялась над ответами шута Оливии. Мне нравился её нежный тихий смех. Она выпила воды и вдруг заявила, что книга ей не очень нравится – в ней нет картинок. Энни предложила мне что-нибудь нарисовать. Я согласился. Взял бумагу и уголь и сделал наброски. Виола и Себастьян – близнецы. Я вспомнил, как Виола поправляла причёску у витрины магазина, и нарисовал её, но в мужской

одежде. Рядом с ней я поставил парня, похожего на неё, но чуть выше ростом. Энни заметила моё сходство с парнем.

– Ой, Вилли, ты рисуешь себя?

Я сделал вид, что удивлен. «Пусть думает, что это случайность», – подумал я и отдал набросок Энни:

– Буду делать по одному рисунку в день.

Пит принёс ужин и сказал, что Энни слишком громко смеётся. В его голосе слышалась ревность. Впервые за время болезни у меня появился аппетит. Энни порадовалась, что я съел всё без остатка, и дала мне лекарства. Поздно вечером пришёл врач. Он долго меня осматривал, щупал, слушал через трубочку дыхание и наконец сказал, что через пару дней от простуды не останется и следа. Когда доктор ушёл, мы с Энни вернулись к Шекспиру. Решили читать по очереди, чтобы сегодня же закончить. В глубине души я жалел, что выздоравливаю и не смогу часто видеться с Энни.

Как же было легко общаться с ней! Обсуждать приключения близнецов, всю эту путаницу. Я смеялся над обиженным Мальволио, а Энни жалела его. Говорила, что он не очень умен и слишком горд, он не понимает, что его разыгрывают. Нам, мол, смешно, но ему-то нет. Добрая душа.

Когда мы закончили читать, я спросил Энни, какое место в пьесе ей понравилось больше всего? "Тайное венчание Себастьяна и Оливии", – шепнула она и покраснела. Я, конечно, не был в восторге от этой поспешной сцены. Будто Шекспир писал её не дольше минуты. Ни юмора, ни мудро-

сти особой, лишь чувства бьют фонтаном. Я быстро нашел нужную страницу и прочитал: "Чтоб наконец нашла успокоенье ревнивая, тревожная душа". Энни улыбнулась и продолжила словами Себасьяна: "Да, я готов произнести обет и быть вам верным до скончания лет».

– Ой, это слова парня, а я читаю. – Глаза Энни сияли.

Милое романтическое создание! Мне так хотелось её оберегать. Но как, если я сам в плену, и это она спасла меня от смерти. Я взял из ее рук книгу, и наши пальцы соприкоснулись. Энни покраснела. Возможно, я тоже, но на её бледном лице это было виднее. Говоря про сцену венчания, мы поняли друг друга – это были слова о нас. Я взял руку Энни и погладил, запоминая нежную кожу, тепло ладони, медное колечко, царапину на большом пальце. Я поднёс ладонь Энни к губам и стал целовать. Энни испугалась, но не отдернула руку, а закрыла глаза и прошептала: "Вилли...". А я смотрел на лицо ангела. Еще секунда сомнений, и я целовал это божественное лицо, дивный большой лоб, длинную шею, пахнущую кислым молоком. И всё во мне менялось. Трепет юнца стал восторгом мужчины. Смушение —желанием обладать этой женщиной. Я коснулся груди Энни, и вокруг стало еще темнее. Горела всего одна свеча. Я думал, что сойду с ума.

Но тут раздался шум у двери. Пит!

Мы резко отдалились друг от друга. Энни зарделась, поспешно закрыла грудь платком и вскочила.

– Пит, я уже иду. Мы дочитали книгу, – крикнула она.

Я чувствовал, что она смущена и не знает, что сказать. Я выдавил только:

– До завтра!

«Любимая» так и не смог произнести. Дурак!

Глава 15

«Энни, Энни, – повторял я и глупо улыбался. – Нежный ангел». Мне безумно хотелось увидеть её и поблагодарить за заботу. Без неё я бы точно умер. Мне пришло в голову нарисовать Энни брошь, вроде той, что миссис Бернадетти подарила Мэри. Но я совершенно не помнил, как тогда изобразил украшение на портрете служанки. Я выбрал самый маленький холст и принялся рисовать. Сразу кистью. Провёл несколько линий умброй, и получился пол. Деревянный пол, на котором я стоял, – фон картины. И снова музыка звучала в голове. Я не знал, была ли это мелодия моей любви к Энни, или тот самый поток, несущий меня к волшебному рисованию.

На холсте появлялась роза. Довольно крупная, с алыми, розовыми и бордовыми прожилками. Странно, я ведь не люблю красный в живописи, а тут мне удалось передать все его оттенки – от светлого к темному. И роза получилась как живая. Нежная, как музыка. Живо нарисовалась, говоря словами Бернадетти.

Я добавил теней на полу. Роза стала еще объемнее. Неужели я сегодня лучше мастера написал розу? Вопрос меня сму-

тил. Какой я наглый! Но ведь я могу быть откровенным с самим собой и думать о чём хочу, не ругая себя за это. Снова в голове зазвучала та же мелодия, и я стал прорисовывать задний план. Провозился незнамо сколько. Злился на себя – там ведь очень темно, ничего толком не видно, но продолжал рисовать пока музыка в голове не стихла. Обессиленный я уронил кисть, упал на матрас и заснул.

Проспал до завтрака. Разбудило меня тихое шуршание. Сработало! На полу лежала живая роза – копия той, что нарисована на холсте. Я стал колотить кулаками в дверь:

– Пит! Позови Энни! Скорее! Она мне нужна!

– Она сейчас принесёт еду, – испуганно ответил Пит.

Через минуту Энни стояла в дверях с корзинкой. Я смущенно попросил Пита оставить нас на пару минут.

Пит улыбнулся и исчез, а я поднял розу и протянул её Энни:

– Смотри. Я нарисовал этот цветок для тебя. Спасибо, что спасла меня.

– Вилли, она очень красивая. Мне никогда не дарили таких цветов. Поставлю её в воду. А картину ты можешь мне подарить? Там роза никогда не завянет. Я повешу картину на самое видное место.

– Конечно. Вот.

– Боже, она и тут как живая! Вилли, ты – гениальный художник!

– Спасибо... – потупился я.

Она потянулась ко мне, но в последний момент то ли за-
смущалась, то ли передумала. Я вдруг вспомнил, как Мэри
меня поцеловала, а я стоял как истукан. Глупо! Мне не две-
надцать лет. Я притянул Энни к себе, но тут из угла послы-
шался шорох. В комнате кто-то еще появился. Энни тоже
услышала и испугалась. Мы бросились на звук. Я не верил
глазам – девушка подняла с пола черного котенка с едва за-
метными серыми и белыми пятнами на лапах. Мы засмея-
лись. Энни гладила его и говорила:

– Какой же милый! Как ты пролез сюда?

– Не знаю, Энни, тут не пролезешь нигде, – я недоумённо
развёл руками. – Сколько ему, по-твоему?

– Месяца три, не больше. Голодный! Она взяла картину
и вскрикнула:

– Вилли! Посмотри на картину! Котенок у тебя нарисован
в углу. Просто там темно, и он черный, плохо видно. Ты же
рассказывал, как любишь кота, что живет у Бернадетти. За-
была его имя.

– Бруно..., – улыбнулся я и вспомнил своего усатого
друга. Как он там? Мой усатый защитник, мой верный
друг.

– Боюсь, Такер нас ругать будет. Злой он.

– Да, у тебя коту лучше будет, – неохотно согласился я. –
Надо ему имя придумать.

Мы назвали его Сумрак. Жаль было расставаться с ним.

Я уже представил, как мы спим рядом, котенок тихонько урчит, и мы согреваем друг-друга.

Энни сначала отнесла картину и розу, а потом вернулась за малышом, посадила его в корзинку и накрыла платком, чтобы он не испугался людей. Я расстроено буркнул "Пока", и они ушли.

Глава 16

Господи, нарисованные мной предметы становятся живыми! Я до конца не верил, но постоянно думал, что бы мне еще нарисовать. Такера я писал каждый день, но толку – ноль. Я соскребал краску и писал снова и снова. Что-что, а перерисовывать мне не впервой.

Я хотел повторить успех с котенком. Однако, свеч у меня было мало, освещение от лампы слабое – поэтому не стал даже пытаться и лег спать.

Утром пришла Энни. Она выглядела расстроенной:

– Вилли, не знаю, как тебе это сказать.

– Что случилось? – насторожился я.

– Сумрак сбежал. Вчера, около дома уже, он услышал лай собак и испугался. Заметался в корзинке, выбрался и умчался. Я не смогла его удержать. Как молния мелькнул – раз, и нет его. Долго искала, но без толку. И никто его не видел, вот ведь странно. Я всю ночь не спала.

– Успокойся. Попытаюсь написать Сумрака еще раз. Я его запомнил.

– Но в прошлый раз ты нарисовал его, сам не желая того, верно? И не помнишь, как делал это?

– Ты права: не помню. Только мелодию в голове помню. Я её сразу узнаю, если услышу опять.

Энни ушла, а через час пришел Такер. Он был возбуждён и явно хотел мне что-то рассказать.

– Извините, что-то произошло? – спросил я.

– Да. Вчера была настоящая резня – кот напал на собаку.

– Они живы?

– Нет. В том-то и дело. Огромная собака и маленький черный котенок. Оба погибли. Говорят, что котенок порвал собаку в клочья, но и она успела его искушать. Жду, что напишут об этом газеты. Соседи судачат, придумывают всякую всячину, мол, черный котенок – это сам дьявол.

– Если б так, он бы не погиб, я думаю.

Я понял, что тем котёнком был Сумрак. Расстроился, но не подал виду. Начал рисовать и мечтал снова услышать мелодию, которая превращала мою живопись в чудо. Но и в этот раз в голове не прозвучало ни ноты. Как рисовать Такера – так тишина! В последнее время я засомневался, что смогу помочь воплотить его мечту. Стало казаться, что вовсе не каждая моя картина способна стать... Волшебной? Пусть так. Печальная судьба Сумрака меня напугала. Что я неправильно нарисовал? О чём я тогда думал? Но я ведь и вовсе не собирался рисовать котёнка.

Через день Такер принес газету с заметкой про драку котенка и собаки. Видно было, что он любит такие истории – таинственные, мистические, полные вопросов без ответов. На месте драки полиция собрала останки животных, и патологоанатом позже дал ужасное заключение: внутреннее строение котёнка совершенно не походило на обычное кошачье. Из чего полицейские сделали вывод, что кто-то в городе проводит опыты над животными и пытается вывести вид особо жестоких котов.

Такер оживился:

– Вот бы мне такого боевого кота!

– Зачем он вам?

– Помогал бы мне в драках. Порвали бы всех! – зло засмеялся Такер, а глаза его хищно блеснули.

– Такой злой мог бы и вас убить.

– Да, ты прав. Но все равно не могу успокоиться. Если маленький котенок... тут пишут, ему три или четыре месяца всего было... таких дел натворил, то в какого зверюгу он бы вырос? Какого стал бы размера? Как лев? Эти ученые чего только не придумают!

Я слушал Такера и думал, что уже совсем не хочу повторять Сумрака. Он же мог убить Энни, когда она несла его домой. И тут я вспомнил слова отца. Он рисовал, но потом чего-то испугался. Уж не того – ли самого? Захотелось поговорить с ним и все узнать. Я ведь так и не простил ему того, что мама воспитывала меня одна. А у отца была другая семья, любимая дочь. Но я уже привык к слову “отец” по отношению к этому больному старику – Генри Биту. Надо бы разузнать, как его здоровье. Энни вполне могла бы его навестить.

Глава 17

Подошло время ужина. Пит задерживался. Я не был голоден, но волновался, не случилось ли чего с Энни. На мой стук в дверь Пит сразу откликнулся и спокойным голосом

сказал, что сестра еще не приходила. Через какое-то время мне показалось, что слышу плач Энни. Мысль о слезах любимой еще больше меня разволновала. Крикнул Питу, но тот не отозвался. Я вслушивался в каждый звук за дверью. Шум нарастал. Там точно творилось что-то ужасное. Я молил Бога, чтобы он защитил Энни и Пита, и ненавидел себя за то, что сам не мог этого сделать. Колотил кулаками в дверь, снова и снова звал Пита, но тщетно Сердце стучало в ушах, руки дрожали. Под ногтями появилась кровь – расцарапал угри. Когда волнуюсь, начинаю царапать лоб. «Надо успокоится и подождать, – судорожно подумал я. – Если буду психовать, упаду в обморок». Голова закружилась, но в этот раз обошлось.

И вдруг раздался звук открывающейся двери. Зашел заплаканный Пит с подносом. Я слышал, что Такер где-то рядом. До меня донеслись голоса, и, казалось, что говорил он с Энни. Мысль о том, что Такер обидит её, не выходила из головы и заставляла меня обливаться холодным потом. Боже! Что же делать? Он страшный человек. Одно то, что держал меня взаперти, с цепью на ногах, говорило о многом. Даже моя болезнь его не остановила. Плевал он на то, что я умирал! Думая так, я вовсе не жалел себя. Все мысли были об Энни. Я сознавал, что Волк готов на любую низость и подлость.

Пит поставил еду на стол, и я схватил его за руку:
– Что случилось с Энни? – мой голос дрожал.

– Я не знаю, мне ничего не объяснили.

– Почему ты плакал? – я тряс Пита за плечо, добиваясь ответа.

– Испугался. Энни пришла в порванном платье, а Такер весь в крови, – выдавливал из себя слова Пит.

– Господи, да что же произошло?

– Сказал же, что не знаю ничего, – закричал Пит и убежал.

Тут вошел Такер. Он хромал, бурчал что-то непонятное и держал свечи в окровавленной руке. При тусклом освещении кровоподтёки на лице делали недобрый взгляд Волка зловещим. Но я сразу понял, что злится он не на меня. Такер положил свечи на стол и сказал:

– Вилли, нарисуй меня в полный рост. Может, хоть что-то вылечишь.

– А что случилось? Что-то с Энни?

– Да, с ней, – Такер тяжело опустился на стул. – А ты как-то слишком взволнован. Выглядишь хреново. Уж не сердечные ли тут дела?

– Я люблю её, – вырвалось у меня.

– А она?

– Я не спрашивал... Но мне кажется, она тоже меня любит.

– Понятно... Поражаюсь, как я пропустил. Обычно я такое вижу сразу. Но тут, видно, деньги помешали. Прихожу к тебе и представляю, как ты делаешь меня богатым. Ну да ладно. Сегодня расслабься и рисуй спокойно. Не буду тебя

ругать.

– Но как же я могу расслабиться, если так и не знаю, что с Энни?

– Всё обошлось. Мы с Энни – соседи, поэтому я их с Питом и взял на работу. Знакомы уже семь или восемь лет. Энни выросла на моих глазах, и для меня она остается ребенком. Конечно, я понимаю, что она превратилась в девушку, но по мне – она слишком юная и хрупкая. Я люблю женщин в теле. С высокой грудью. Не толстух, но пышечек. Может, поэтому я никогда не видел в Энни женщину. Худой подросток – не более. А тут ко мне пришел Стэн, мой компаньон. Деньги принёс. Мы вложим их в один бизнес. Я был рад деньгам, обнял Стэна, усадил его за стол. Выпили, закусили. Тут появилась Энни, сказала, что ужин готов. Она приносит еду и мне, когда я дома. Увидела, что у меня гость, оставила все на столе и собиралась сразу уйти, но Стэн схватил её за руку и стал... дьявол, добиваться внимания, женской ласки. Сначала он не был груб, поэтому я не встречал. Придурак лишь отпускал пошлые шуточки. Но Энни очень испугалась. Вилли, ты рисуешь меня? По-моему, ты застыл, и кисть не двигается. Ты спишь?

– Да... Нет... Рисую. Что же дальше произошло?

Такер был прав: я еще даже не начал рисовать.

– Он стал задирать ей платье, а мне предложил присоединиться. Сначала я просто говорил: "Оставь девочку в покое", но он делал вид, что не слышит. Зря он предложил мне

присоединиться. Это меня ужасно разозлило. Я не псих какой-нибудь, чтобы заниматься сексом с детьми. Черт бы побрал Стэна! Я оттолкнул его от Энни. Уверяю тебя, Вилли, он не сделал ей больно. Не успел. Мне бы раньше надо было его остановить, тогда бы и платье не порвал. Да шут с ним – с платьем. Что уж теперь.

Такер замолчал, а я, подождав несколько секунд, спросил:

– Ну... что дальше произошло?

– Мы сцепились не на шутку. Вот, ты видишь результат. Живописно, да? Стэн дерется не хуже меня. Трудно сказать, чем бы всё это закончилось. Поубивали бы друг-друга. Но Энни, молодец, позвала соседей – братьев Вилсон. Они нас и разняли. Спросили, позвать ли констебля, на что мы ответили: "Нет, нет. Мы уже помирились". Полицию я не боюсь, у меня там друг, но все равно незачем лишний раз связываться с ними. Потом я прогнал Стэна, и мы с Энни пошли сюда. Она очень волновалась, что я весь в крови. Энни – добрая девчонка. Да ты и сам знаешь. Она мне и подсказала, что нужно взять свечи и попросить тебя нарисовать еще один портрет. Ты уж постарайся, ладно?

– Я всегда стараюсь. Честно. Просто, редко что-то получается. Спасибо вам, что вступились за Энни.

– Ерунда. По-другому и быть не могло. Или ты ожидал от меня только грубость?

– Нет, нет. Что вы, – быстро ответил я, подумав: «А чего от тебя ещё ожидать?»

Такер прикрыл глаза и заснул. Прямо на стуле. Я не стал его будить. Просто продолжал писать портрет, пытаюсь поймать живописную реку – так я назвал свое состояние, в котором у меня получаются картины, полные волшебства. И еще я ждал ту мелодию, что звучала в прошлый раз, когда я рисовал розу и Сумрака.

И музыка заиграла. Сначала совсем тихо. Я даже подумал, что это немного другая мелодия. Но она заиграла громче, и я все больше и больше узнавал ее. Ту самую, которую уже стал называть «моей». Смешно, я же не композитор, который её написал. Слышал её, наверное, когда-то, просто забыл. У меня нет слуха. Я не пою и ни на чём не играю. Но мою мелодию могу различить. Постепенно запоминаю её всё лучше и лучше. Неспешное начало – словно дождь шепчет мне: "Рисуй. Вилли, рисуй! Я с тобой. Не думай ни о чем плохом, расслабься", а потом не только он, но и звуки музыки – такие же нежные, как этот дождь. "Музыка дождя" – хорошее название для мелодии.

Такер в полный рост появился на холсте уже минут через двадцать – быстрая и чувственная живопись большими мазками. Часов у меня не было, но мне показалось, что Такер проспал два часа по меньшей мере.

– А? Вилли, я заснул?

– Да, но это нормально. Я так много ваших портретов написал, что хорошо знаю что и как. Всё закончил, кажется.

– Дай посмотрю, – он вскочил со стула и тут же закричал: –

Вот это да! Братец, да ты чудо сотворил! Ни нога, ни рука больше не болят. Понимаешь? Совершенно не болят! Покажи портрет.

Он стал рассматривать холст. На лице Такера по-прежнему были порезы, синяки, засохшая кровь. На портрете же я оставил лишь старые шрамы. Я был уверен, что завтра лицо Такера станет таким. Ведь я опять слышал мою мелодию.

Такеру портрет понравился:

– Забираю. Ты же сказал, что он готов, так?

– Да.

– Пока это лучший из моих портретов. Верно?

– Вы правы. Несомненно, что-то получилось.

– Ага. Что-то. Вот завтра и посмотрим, что именно. Но уже сейчас я уверен, ты вылечил мне руку и ногу. Они совсем не болят. Спасибо, Вилли!

– Это я должен вас благодарить.

– Ты? – Он посмотрел на меня озадаченно.

– Да, за Энни. Вы спасли её.

– Ах, да. Дьявол, я же всё забыл, пока спал, – он громко засмеялся.

Никогда не слышал смеха Такера. Он похлопал меня по плечу, забрал холст и, довольный, пошел было к двери, но вдруг остановился.

Только что улыбавшееся лицо посерело, словно он вспомнил что-то ужасное. Такер снова стал пристально рассматривать портрет. Потом посмотрел мне в глаза и сказал:

– Говоришь, получилось?

– Я не уверен, – пытался объяснить я.

– Молчи! Мне надоели твои отговорки. – Глаза его за-
жглись страшным злым огнем. – Я устал ждать. Если завтра
ничего не произойдет, тебе, художник, крепко достанется.
Готовься! И знай, ты – не Энни. Я тебя жалеть не стану. Как
только я перестану верить в твой дар, ты просто исчезнешь.
Сдохнешь, как крыса.

Глава 18

«Вилли, просыпайся и берись за дело», – это первое, что
я услышал от Такера на следующее утро.

– Что случилось? – Я тер глаза и старался побыстрее
проснуться.

– Вот деньги. Двести фунтов мелкими купюрами. Смотри,
я кладу их на столе.

– Просто написать эту пачку?

– Дураком не прикидывайся! Нарисуй пачку в два, в три
раза больше. Несколько пачек нарисуй. Понимаешь?

– Да, хорошо, сейчас.

– И шевелись давай. Я занял эти деньги до обеда. Чтоб
закончил к двум часам!

Глаза Такера горели. Он ушёл, окрылённый близостью
успеха. Что касается меня, я совсем не был в этом уверен.
Нехотя я сел за холст и с тяжёлым сердцем принялся за ра-
боту. Пит принёс завтрак и застыл с подносом, зачарованно

глядя на деньги. Я выставил мальчишку за дверь и собрался было перекусить, но вдруг почувствовал, как меня зовёт холст.

Он притягивал меня с чудовищной силой. Видимо, мне передалось воодушевление Волка. Я бросил завтрак и вернулся к работе. Часа через четыре, как обычно, хотел сделать перерыв, но вновь услышал мелодию. Она немного отличалась от «моей», но была такой же влекущей и будоражащей воображение. Я боялся её потерять, лишь пригубил воды и продолжил писать. Мелодия звучала всё отчётливее и громче. Я рисовал и рисовал, пока не стал засыпать. Отложил кисти, упал на матрас и тут же уснул. Долго ли я спал, не знаю. Меня разбудил Такер.

– Да! – заорал он.

– Что там? – я тёр глаза.

– Смотри, на твоей картине денег намного больше, чем я принес. И на столе тоже!

Он радостно потрясал толстыми пачками денег. Казалось, бросится прыгать или танцевать от счастья. Я не верил своим глазам. Писал я, конечно, вдохновенно, но мелодия была другая, не моя.

Вдруг голос Такера изменился:

– Вилли! Черт тебя дери! Что с фунтами?

– Не знаю. Что-то не так?

– Это же фальшивки!

Дальше я плохо помню. Такер швырнул деньги мне в ли-

цо. Я задрожал, понимая, что сейчас он убьет меня.

– Сэр, это только первая попытка, – тараторил я, собирая бумажки. – Вы говорили, что собирались уезжать на два дня по делам. Я не буду ни спать, ни есть. Я попробую написать по-другому.

– Попробуешь, щенок? – Такер схватил меня за грудки.

– Я сделаю всё, что смогу. Правда.

– Всё? А что же ты сразу «всё» не сделал?

– Не знаю. Я старался, и рано или поздно я пойму, что за сила мной управляет.

– Рано – это хорошо, но поздно... Ты хоть понимаешь, о чем ты говоришь?

Лицо Такера перекопилось от злости. Он наотмашь ударил меня по лицу. Я словно щепка отлетел к противоположной стене. Из носа пошла кровь. Я чувствовал ее солоноватый вкус и запах мокрых железных стружек. Мне оставалось только размазать кровь рукавом и молить Бога, чтобы Такер ушёл, и мои мучения закончились. Но Такер снова набросился на меня с кулаками, и я потерял сознание.

Придя в себя, нашёл на столе записку: "Вернусь через два дня. Не будет денег – убью!"

Я смотрел на покрытые синяками руки и, прислушиваясь к боли во всем теле, думал: "Такер точно убьет меня. Он взял деньги в долг, а я их, можно сказать, истратил".

Словно во сне, я подошел к углу, где сложил холсты, взял тот, что поменьше, и начал писать. На этот раз мелодия не

заставила себя ждать. Та самая! Моя! Только рисовал я все не деньги. Сам того не желая, написал мамино любимое кольцо. Не задумывался, зачем мне оно понадобилось. Через два часа работы я свалился без сил и проспал до утра.

Глава 19

Я сжимал кольцо в кулаке и вспоминал его на безымянном пальце маминой бледной руки. Что же теперь делать? Кольцо появилось удивительно легко, и мне казалось, что оно скоро сыграет решающую роль.

Довольно скромное, но украшенное рубинами. Центральный камень – очень яркий, сияющий. В нём будто полыхает огонь камина, только малинового и немного сиреневого оттенка. Мелкие камни, тоже рубины, намного темнее, но эти маленькие красные пятнышки эффектно смотрятся на объёмных линиях, которыми разлиновано кольцо. Они похожи на царапины, но мы, художники, называем их фактурными. Помню, мальчишкой я смотрел на кольцо и пытался сосчитать камни:

– Ма-ам! Три плюс три будет шесть?

– Да, сынок, правильно. А теперь прибавь большой камень. Сколько всего?

– Семь?

– Точно! Это счастливое число. Мне с ним часто везет, – отвечала матушка с такой нежной и теплой улыбкой, что верилось в волшебство, исходящее от кольца.

Почему-то я сразу запомнил и поверил, что семь – к счастью. Кольца с рубинами казались мне самыми красивыми. Но я не знал тогда, что красный – цвет влюбленных

В бурлящем беспорядке мыслей вдруг появилась ясная идея. Я вскочил и стал ходить взад-вперёд, боясь её упустить.

Пит принёс завтрак.

– Позови, Энни, – попросил я. – Мне нужно сказать ей кое-что. Возможно, она спасёт меня от гибели.

– Что-о?! – брови Пита удивлённо поднялись. – Как?!

Беда была в том, что я и сам точно не знал.

– Есть идея. Последний шанс. Позовешь?

– Да. Она принесет обед, тогда и зайдет.

– Нет, нельзя ждать! Важен каждый час, пойми! Сходи за ней, пожалуйста!

Пит согласился. Пока я ждал, голова разрывалась от проигрывания возможных планов спасения. Все мысли вертелись вокруг кольца. Вспомнит ли его отец? Поверит ли, что Энни пришла от меня? Написать письмо? Нет, и еще раз нет! Во-первых, он не знает моего почерка. Во-вторых, Энни могут поймать – Такер или его люди, и тогда письмо станет доказательством, что я замышляю побег. Лучше все передать на словах.

Наконец, появились Пит и Энни. За стол мы не помещались – у меня был только один стул, и они сели:

– Вы оба должны знать, что я планирую нечто опасное.

– Вилли, ты хочешь бежать? – спросила Энни.

– Да. Пока я просто готовлюсь к этому. Нам всем надо бежать. Такер не пощадит вас, если я исчезну.

– Я очень боюсь Такера. Он иногда кричит на меня, и я дрожу от страха. Но он редко кричит, ведь я так стараюсь, – промямлил Пит.

– Не бойтесь. Я всё продумал, – обратился я к Энни. Смотри, это кольцо моей матушки.

– Боже! Какое красивое! Золотое? Где ты его взял? – Энни смотрела на кольцо горящими глазами.

– Догадайся.

– Нарисовал?

– Точно, – улыбнулся я. – Именно такое мамино кольцо я, дурак, продал. Думаю, отец подарил его ей. Энни, ты покажешь кольцо отцу и расскажешь обо всем, что тут происходит. Скажешь, что ты – моя невеста.

– Вилли...

– Да, милая. Я тебя люблю и прошу стать моей женой, – выпалил и устыдился собственной поспешности.

Энни и Пит ошарашенно смотрели на меня.

– Видишь, Пит, я честен с твоей сестрой. Мы должны жить вместе. Втроем. Я сделаю всё, чтобы вы были счастливы.

Энни заплакала. Но я видел, что то были слёзы счастья. Пит смотрел на сестру, улыбался, его глаза светились. Я положил кольцо на ладонь Энни и решительно, но ужасно неумело, поцеловал её в губы. Энни откликнулась на мой

поцелуй – тоже неумело, но нежно:

– Я согласна, Вилли, – прошептала она.

Такое вот детское обручение. У нас с Энни всё так – глупо и поспешно.

Энни внимательно выслушала мой план и всё запомнила. Я дал ей деньги, которые были спрятаны в брюках. Те самые, подаренные отцом. Я истратил-то всего ничего – купил пару маленьких холстов и кистей. Про Виолу я тоже рассказал. Вдруг Энни встретит сестру, когда придёт к отцу.

Прощались мы долго и взволнованно. На сердце давил груз неизвестности. Энни снова заплакала, и Пит к ней присоединился. Я, как мог, успокаивал их. Попросил Энни не экономить деньги и взять извозчика. Она мужественно взяла себя в руки, успокоилась, и они с Питом ушли.

Ожидание тянулось невыносимо долго. Меня истерзали тревожные мысли. Может быть, Энни следовало идти в полицию? Но я помнил, что там у Такера есть друг. А может, и не один. Нет, идея искать приюта у отца была лучшей. Но что если отец не поверил Энни, или Пита схватили прихвостники Такера, и мальчишка проболтался? Час проходил за часом. Я пытался отвлечь себя живописью. Но куда там! Ничего не мог делать, только сидел как замерзшая ледяная статуя и ждал. Но вот я услышал голос Энни за дверью.

Она вошла вместе с Питом, и улыбки на их лицах зародили в моем сердце надежду.

– Ну, рассказывай! – засуетился я.

– Подожди, Вилли. Я зашла домой за едой. Не потеряла время, просто взяла хлеб и молоко.

– Сейчас не до еды. Я ничего не хочу. Так ты видела отца?

– Да. Сначала я шла пешком. Убедилась, что слезки нет и поймала извозчика. Через двадцать минут доехала. Виолу я тоже видела. Она теперь ходит к отцу каждый день. Вилли... Кажется, он умирает. Это слово не звучало, конечно, но мне так показалось. Он очень слаб и говорит с трудом.

– Боже... Но он еще может выздороветь. Я ведь могу написать его портрет. Но я должен хотя бы начать с натуры. Увы, плохо помню его лицо. Мне нужно бежать и спасти его.

– Я тоже об этом подумала. Знаешь, я так волновалась, так невнятно начала рассказ, что мистер Бит не сразу во всем разобрался. Не мог понять, как мы связаны с тобой. Потом его служанка заварила чай, я немного расслабилась и спокойно всё повторила. Кольцо твоей матушки, действительно, сыграло решающую роль. Но, Вилли, ты не совсем правильно его нарисовал. Смотри.

Она достала кольцо и показала на маленькие камни. Они были как бы на полосатой поверхности. Я внимательно посмотрел. Да, именно таким я помнил мамино кольцо. Но Энни сказала, что на самом деле полоски были не прямыми, а изогнутыми – шли волнами.

– Я испугалась, что мистер Бин назовет меня обманщицей и прогонит, ведь кольцо отличалось от настоящего. Но он поверил. Прослезился сначала, глядя на кольцо, подер-

жал его немного в руках и спросил, давно ли у тебя этот дар. Оказывается, он тоже рисовал, но потом прекратил. Сказал, что у него есть дневник, в котором всё про это написал. Этот дневник он передал тебе. Увы, такой необычный дар напугал твоего отца. Знаешь, я не рассказала ему про котенка, просто не успела, но подумала, что мы ведь тоже испугались. Вилли, это ведь он разорвал собаку?

– Думаю, да. Наш Сумрак. И что отец сказал про кольцо?

– Сказал, что у него тоже не все получалось нарисовать так, как надо, как хотелось.

– И почему он перестал рисовать?

– Я задала ему этот вопрос, но он ушел от ответа, сменил тему и стал спрашивать о тебе.

– Отец понял, что я хочу бежать, и мне нужно знать, приютит ли он нас на первое время?

– Да, конечно. Он сказал, что мы сразу должны ехать к нему. Я же сказала, что нас трое. Рассказала ему про Пита, и, представляешь, он так обрадовался, что у него скоро еще один сын появится. Спрашивал, любит ли Пит рисовать. Когда узнал, что пока нет, уверил меня, что это неизбежно впереди, и надо Пита учить живописи.

– Отлично. Осталось избавиться от цепей.

– Мистер Бит сказал, что ты должен собраться с силами и нарисовать себя без них. Вилли, в последнее время у тебя всегда получается написать так, как надо.

– Всегда? Ты забыла Сумрака? Или предпоследний холст

– эти фальшивые деньги... Такер никогда мне их не простит.
– Постарайся, Вилли! Эта картина спасёт нас.
– Да, я понимаю. А Виола? Когда она пришла?
– Я уже собралась уходить.
– Она сразу тебе поверила?
– Нет. Она стала задавать вопросы и поверила только когда я сказала, что знаю про ее певческий талант. Мне пришлось назвать песню, которую она пела тебе. Ту, где она произносила “Вилли” вместо “Бонни”. Твоя сестра дала мне свой адрес.– Энни протянула мне записку.

Я взял сложенный в несколько раз лист бумаги с адресом, спрятал его в карман брюк и сказал Энни, что свою часть работы она выполнила идеально. Может, и правда, счастливое кольцо ей помогало?

Потом я взял со стола тетрадь отца. Его дневник.

Глава 20

Тетрадь в исцарапанной тёмно-синей картонной обложке с разлохмаченными уголками. Я с трепетом открыл её и первым же словом прочитал имя матушки.

Сара

Я долго подбирал натурщицу для новой картины. Тщетно. Ни одна девушка мне не подходит. Сам того не замечая, я вообразил себе определенный типаж. Длинные пушистые

волосы, огромные глаза необычного цвета – зелёные в тени и ярко-жёлтые на солнце. Сначала я думал, что они зеленые. Так оно и было, но если солнце освещало ее лицо, глаза тут же казались желтыми. Узкая талия, длинная шея, изящные руки. Удивительно длинные пальцы. Я представлял, как она держит чашку чая или ставит цветы в вазу. Сидит у окна и вышивает. Или читает комедию Шекспира. Я воображал, что она улыбается. Мечтал увидеть её.

Время от времени мне попадались похожие девушки. Но всякий раз я быстро разочаровывался. В конце концов, перестал нанимать натурщиц и рисовал только девушку из моих фантазий. Я делал наброски, писал этюды. Мне не хватало смелости взяться за большой портрет на холсте. Я не верил, что получится без натурщицы. И больше всего я боялся разочарования.

Но одержимость победила. Я нарисовал девушку, о которой мечтал. В тот день шел дождь. Лил с самого утра и ужасно мне надоел. Внезапно мне захотелось пойти в мастерскую. Со временем я планировал снять комнату в том же доме, где жил с семьей, но пока арендовал мастерскую подешевле – на соседней улице, в пяти минутах ходьбы. Когда начал писать ту самую идеальную девушку, получалось совсем не то, что мне хотелось. Портрет давался мне с трудом. Минувшей ночью я долго не мог заснуть и решил, что надо немного изменить цвет лица. Скорее, тон. Сделать лицо светлее. Мне хотелось заставить его сиять. Технически я мог это сделать.

Я помчался в мастерскую.

Дождь усиливался. Людей на улице становилось все меньше и меньше. Ноги сразу промокли. Около мастерской росло большое дерево. Старый вяз. Я часто пытался угадать, сколько же ему лет. Тридцать? Пятьдесят? Наверняка больше. Я несколько раз рисовал его. Благодарил Бога за такой чудесный вид из окна. Мне даже не нужно было выходить на пленэр. Устанавливай мольберт у окна и рисуй сколько пожелаешь.

И вот, стоило мне открыть дверь, как ударил гром, сверкнула молния, и мое любимое дерево запылало. Зрелище страшное и прекрасное одновременно. Я не мог оторвать взгляда от пламени. Я не жалел дерево. Меня завороживала дьявольская красота пламени. Дождь припустил с новой силой, словно оплакивая вяз. Я подумал, что мне повезло – молния могла ударить меня. Но иногда думаю, что и мне досталось. И меня что-то ударило. Так впечатлило меня пылающее дерево.

Я вымок до нитки. Нужно было немедленно переодеться и выпить горячего чаю. Но мозг отказывался соображать. Перед глазами все еще стояла картина с горящим деревом. Вода стекала с меня, и я уже стоял в луже. В сухой одежде, выпив чашку чая, я немного согрелся, но меня по-прежнему трясло, и донимала ломота в суставах. Я откупорил бутылку рома и выпил её из горлышка залпом.

Утром я проснулся на полу. Голова не соображала, всё во-

круг плыло. Я долго не мог напиться. Потом вдруг понял, что больше, чем пить, хочу рисовать. Я взял графин с водой и подошел к мольберту. Закрепил чистый холст и нежно провел ладонью по его шероховатой льняной поверхности. Что было дальше, я не помню. Помню только, как стучала кровь в висках, и словно кто-то меня подбадривал: “Продолжай! Всё именно так”.

Я писал не менее пяти часов. Устал и упал без сил. Когда проснулся, не мог вспомнить, что или кого я рисовал. Подошел к холсту и вскрикнул – на нем была та самая девушка, черты которой я так настойчиво искал у натурщиц. Словно живая, она смотрела на меня полными любви глазами.

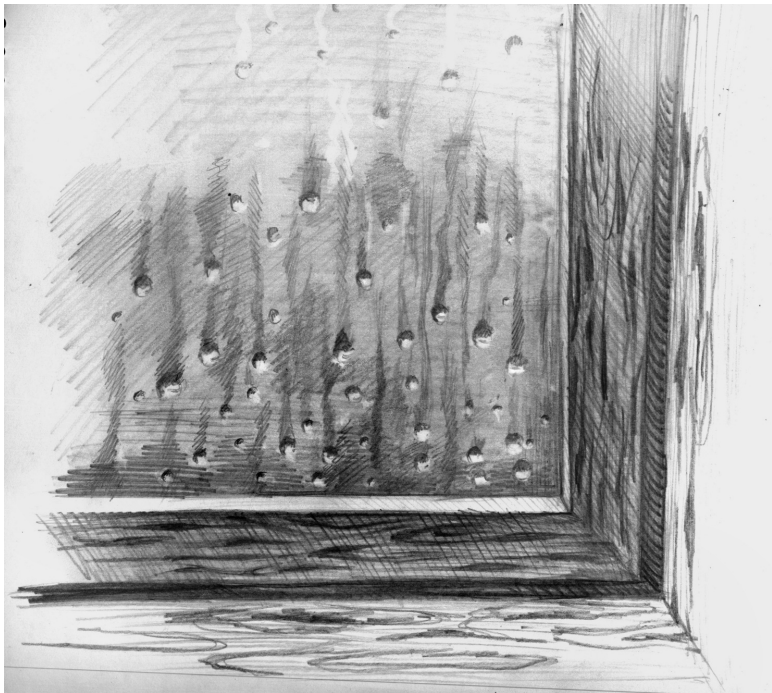
Целый день я не отходил от неё. Не мог ни есть, ни пить, только прописывал детали, делая портрет все лучше и лучше.

И тут в дверь постучали. Я открыл и остолбенел.

– Здравствуйте, меня зовут Сара, я ищу работу. Вам нужна натурщица? – застенчиво спросила красавица с моего полотна.

Сейчас пишу это и понимаю, что мне никто и никогда не поверит. Пусть. Но всё было именно так.

– Здравствуйте! – Я растерялся. – Проходите. Мне, и правда, нужна натурщица. Проходите к окну. Там диван.

Сара прошла в комнату, а я шел за ней, моля Бога: “Если это сон, не дай мне проснуться!” Она села на диван, изящно расправив платье. Я подошел к мольберту. Не было сомнений – это она. Даже одежда совпадала. Я сходил с ума и молился, чтобы безумие продлилось всю мою жизнь.

Сара сидела напротив, нежно улыбаясь. Свет из окна освещал её удивительные глаза, превращая их из зеленых в жел-

тые. Я спросил, замужем ли она. Оказалось, что нет. Я был счастлив, но не забыл про свою семью, сразу рассказал Саре, что женат и обожаю свою дочь Виолу. Моя богиня сказала, что очень любит детей.

Она стала и натурщицей, и кухаркой, и помощницей по мастерской. Прошел месяц, и между нами произошло неизбежное. Я был впервые влюблен с первого взгляда. Точнее, полюбил ещё до того, как мы встретились. Я не писатель и не могу описать свои чувства. Больше я не рисовал Сару – идеал можно только испортить. Вспомнилось -

“В том внешнем, что в тебе находит взор,
Нет ничего, что хочется исправить”.¹⁰

Когда я узнал о беременности Сары, счастьем моему не было предела. Но радость омрачалась отсутствием у любимой собственного жилья. Я пообещал решить эту проблему, но сам не представлял как. Увы, не мог купить ни дом, ни даже полдома, хотя в то время у меня появились богатые заказчики.

Дом

Я подумывал взять денег у Эммы, моей жены. Но при всём своём богатстве, она непременно заметила бы исчезновение такой суммы. Жена знала, что я держу в мастерской прислугу и выплачиваю ей жалование, но в подробности не вникала

---

¹⁰ У.Шекспир Сонет № 69 Перевод С.Я.Маршака

и не ревновала. Обычно, когда Эмма хотела посмотреть новые картины, она предупреждала заранее. Но однажды нас неожиданно пригласила на обед её кузина Сибил, и Эмме пришлось зайти за мной в мастерскую. Я удивился и, признаюсь, испугался. Но всё было пристойно. Я писал портрет заказчика, а Сара готовила еду как самая обыкновенная кухарка – уставшая, неухоженная, с волосами, убранными под линиялый чепец, делающая несколько дел одновременно. Она смутилась и отвечала Эмме невпопад. Жена потом спросила, где я нашел такую глупую дурнушку? Я честно ответил, что она сама пришла – искала работу, даже врать не пришлось. Сложностей с Эммой мне не хотелось. Любви давно не было, но я зависел от жены материально и обожал нашу дочь.

Шло время, а я так и не придумал ничего путного с жильём для Сары и нашего будущего ребёнка. Уже было отчаялся, но как-то раз, тоже, кстати, дождливым днём, я нарисовал городской пейзаж с небольшим, но уютным домом. Видел его впервые, но дом этот был мне чем-то дорог, как будто я вырос в нем. Но я-то знал, что вырос совсем в другом месте. И только закончил картину, как в дверь мастерской постучал мужчина лет сорока. Он представился стряпчим и доверенным моего дяди Чарльза. От услышанного далее я сел и на минуту-другую выпал из действительности. Оказалось, что мой дядя умер, и я стал его наследником. Я! Тот, кто о нем едва помнил. Дядя жил один где-то в Ист Энде. – Но сам он бедным не был. После него осталось полдома и

большая сумма денег. Я ещё вспомнил, что не был не единственным племянником дяди. Но стряпчий ответил, что в живых остался я один.

Так у меня появились дом и деньги для Сары и малыша, который должен был родиться через пару месяцев. Стряпчий получил щедрое вознаграждение за молчание. Эмма долго еще не знала про мою вторую семью. Оставшиеся деньги я положил в банк на счет Сары. Пока не заболел, я регулярно пополнял его. Да, она не была богатой, но у неё было жилье, и они с Вилли жили скромно, но не голодали. Сара зарабатывала вышивкой, но это были, конечно, крохи.

Родственники

Я часто думал о чудесном появлении Сары и о волшебном обретении наследства. Но тогда не был до конца уверен, что все чудеса связаны с моими картинами. Однако, вскоре я в этом убедился. Мать Эммы – миссис Эдманс, милая, хоть и излишне болтливая леди, заболела. Что-то там с сердцем и суставами. Эмма плакала и говорила, что мама скоро умрет. Чтобы успокоить жену, я предложил написать портрет тёщи. Он и сейчас висит у неё в гостиной. Самое удивительное, миссис Эдманс выздоровела и выглядела не хуже, чем на полотне. Эмма быстро сообразила, что это именно я вылечил её мать:

– Ты должен попробовать нарисовать еще кого-нибудь.

Отца, например. Пусть оба живут долго. Попробуй, Генри! И что ты сделал такого... необычного? Как ты писал портрет?

– Я не уверен. Мне кажется, что тогда шел дождь. Возможно, погода чудесным образом на меня воздействует.

– Так дождь в Лондоне чуть ли не каждый день. Рисуй! Используй каждый ненастный день!

Я послушал ее и пригласил мистера Эдманса позировать. Мне хватило двух дождливых дней на основную часть работы. Мы с тестем замечательно проводили тогда время – попивали ром, я смеялся над его нескончаемыми остротами и делал наброски. Правда, дописывал портрет я уже в ясную погоду. “Ну и что? – подумал я. – Портрет явно удался!”

Когда Эмма увидела результат, даже закричала от восторга:

– Боже! Какие глаза! Смотри, Вилли, они горят. Никогда не видела отца таким возбужденным. Такие живые глаза! Он смотрит на меня, словно хочет сказать что-то очень важное. Ты превзошел себя! Этот портрет даже лучше мамино.

– Ты думаешь? Не знаю почему, но мне тоже нравится то, как получилось. Хотя, он слишком далёк от оригинала – отличное сходство, но это возбуждение...

Миссис Эдманс повесила портрет рядом со своим и с нетерпением ждала мужа. Было уже поздно, а мистер Эдманс всё не шёл и не шёл. Теща разволновалась, но тут он заявился, изрядно выпивши. Глаза тестя возбужденно горели, точно так, как на портрете. Он налетел на миссис Эдманс и стал

молча её душиТЬ. Мисс Эдманс сопротивлялась, насколько ей хватало сил. Когда они оказались рядом с лестницей, тёща вывернулась из рук мужа и толкнула его. Он скатился по лестнице, ударился головой, повредил шею и умер через пару часов, не приходя в сознание.

В трактире рассказали, что мистер Эдманс потерял над собой контроль и выпил очень много. Таким его никогда раньше не видели, хоть он и частенько захаживал пропустить стаканчик с друзьями. Запомнились слова одного из них: "В него словно бес вселился!" Эмма меня не винила, но я несколько не сомневался в своей вине.

Дети

Виола – моя единственная дочь. Эмма родила её без особых трудностей. Сара родила мальчика. И тоже довольно легко. Это был крепкий, здоровый ребенок. Но вот последующие беременности Эммы заканчивались неудачно. Она стала навязчиво уговаривать меня нарисовать ее с младенцем на руках. Вбила себе в голову, что тогда родит здорового малыша. Я же постоянно вспоминал, что произошло с тестем и прекращал рисовать на несколько дней. доходило до паники. Я брал кисть, и казалось, что у меня поднимается температура.

Помог мне очередной дождь. Я слушал шум капель и понял, что мне просто необходимо рисовать. Подошел к чисто-

му холсту, который подготовил для очередного заказа – семейного портрета одного банкира, но нарисовал Виолу. Ей было уже пять лет. Милая, розовощёкая девочка. Не знаю, почему я нарисовал её, а не Эмму с мальчиком, например. Сейчас я думаю, что настоящее искусство не спрашивает нас. Оно словно управляет художником. По стёклам стучал дождь, а я писал портрет дочери. Словно другой человек водил кистью. И в конце я неведомым образом понял, что опять произошло волшебство. Виола на холсте выглядела великолепно, и что-то в ней изменилось.

Чудо произошло в тот же день. Виола впервые запела. Причем сразу сильным и совсем не детским голосом. Эмме я не сразу показал этот портрет. Она продолжала настаивать на своем изображении с сыном, но я смело говорил ей, что боюсь. Но ведь безбоязненно написал портрет Виолы? Верно. Но делал я это неосознанно – даже не планировал рисовать её. Сара тоже просила меня каждый день, но о другом. Я уже хотел согласиться с ней, но увидел страшный сон, в котором Эмма и младенец горели в пожаре. Помню, в каком ужасе проснулся и долго не мог заснуть.

Увы, кошмары стали такими частыми, что я бросил живопись. И сны прекратились. Я сказал Саре, что мне надо изменить жизнь. Хотя бы на какое-то время. Нашел работу в магазине канцелярских товаров и материалов для живописи. Там я проработал много лет, пока «испанка» не свалила меня. Конечно, настал день, когда Эмма узнала о Саре. Раз-

разился страшный скандал. Но ничего изменить она уже не могла. Мы просто отделились друг от друга. Нас связывала только Виола.

Итак, у меня двое детей от разных женщин. Оба талантливы. Виола поет, Вилли рисует. Я виноват перед сыном, что не воспитывал его. Сейчас жалею, что так и не смог уйти от Эммы С Сарой мы иногда встречались. Я по мере сил помогал ей и сыну. Она по-прежнему для меня самая желанная женщина.

Глава 21

Я закрыл тетрадь и понял, как похоже складываются наши с отцом жизни. Меня в дрожь бросило от совпадений. Правда, из жутких неудач у меня только Сумрак. Слава Богу, что я не угробил никого из людей, а ведь хотел написать портрет мамы. Интересно, каким получился бы Такер? Чудовищем, которое убивает других или несчастным существом, которое убиваю я? Хорошо, что не успел его написать. Повезло.

Я настроился на свой самый главный портрет. Сомнения ушли, осталось лишь нетерпение. Пора! Я взял кисть. Дыхание участилось. Кончики пальцев кололи десятки тонких иголок. Я закрыл глаза и прислушался. Пора-пора. Сейчас-сейчас! Главное – услышать мелодию. Но о ней лучше не думать, не ждать её. Просто писать. Лёгкими мазками обозначил стол. За ним сижу я в кандалах с разорванной цепью. Досконально изучил их за время заточения: исцарапанный,

местами ржавый, металл, похожий на зубы крокодила. Сравнение с крокодилом увлекло меня, и я рисовал машинально, не думая о портрете.

И тут зазвучала знакомая мелодия. Она становилась с каждым мгновением всё отчётливее и громче. Казалось, что не я рисую, а музыка водит моей рукой, словно ноты за нотой превращаются в мазки. Чувства мои обострились. Я видел как никогда – мельчайшие нюансы цветовых переходов. Слышал гитару, фортепиано, флейту и фагот. Пахло осенним дождём. Пол, казалось, покрылся мокрыми опавшими листьями. Шум дождя усиливался. Он лился на меня, унося в теплом потоке. Капля щекотно скользнула по лицу и зависла на кончике носа Я смахнул её. Цепи с грохотом упали на пол – стало легче двигать ногами. Свобода близка! Господи, ты услышал мои молитвы!

Мелодия стихала, но не умолкала. Значит, портрет ещё не закончен. Я рисовал, полностью отдавшись музыке не думая о построении лица, о передаче света и тени. Мелодия вела за собой и командовала. Сколько я ещё писал – не знаю. Как обычно, закончив картину, я свалился без сил и заснул.

Сон вернул мне силы. Я встал с матраса. Кандалы с разорванной неведомой силой цепью, лежали под столом. Свободен! Я подбежал к портрету и замер. С холста смотрел вовсе не я.

На темном фоне ярко выделялся молодой светловолосый незнакомец в моей одежде. – Не старше двадцати. Я рассмот-

рел прядь своих волос. Привык, что они жирные и невзрачные. Но теперь... светло-пшеничные и чистые. Мелькнула мысль, что волосы теперь моя гордость. Я убрал прядь за ухо и продолжил рассматривать незнакомца. Кожа чистая – никаких угрей. Я рассматривал того, кого нарисовал. Ироничная улыбка на губах и задорные голубые глаза делали лицо особенным, привлекали взгляд. Незнакомец словно говорил: "Привет, Вилли! Теперь ты такой. Привыкай. Скажи прощай серому "крысенышу". Так ты себя раньше называл?".

Я ощупал своё лицо. Несомненно, черты изменились. Но я же думал только о побеге, когда писал. Разве я мечтал измениться? Неведомая сила, зная тайные желания, заставила меня изменить самого себя. Я будто заново родился и могу начать новую жизнь. Аккуратно снял холст с подрамника, свернул его, начал собирать краски и кисти, но вдруг застыл. В голове пульсировала мысль: “Ничего из этого мне не нужно. Я никогда больше не буду рисовать”.

Глава 22

Но так просто я не мог отказаться от любимого дела. В глубине души я затаил надежду вернуться к живописи в будущем и на всякий случай положил в мешок чистый холст, несколько кистей и краски.

– Пит! Открывай! – постучал я в дверь.

Пит открыл дверь и опешил:

– К-кто вы? Г-где Вилли?

– Успокойся, это я и есть. Смотри – моя одежда. И голос мой. Ну, узнал?

– Д-да, г-голос ваш, – не мог успокоиться и заикался Пит.

– Где Энни?

– Мы д-долго ждали, устали и п-проголодались. Она пошла з-за едой. Сейчас п-придет.

Я заметил фигурку Энни у соседнего дома. Легкая, в бордовом пальто, она увидела меня и замедлила шаг.

– Где Вилли? – повторила она вопрос Пита. Губы её задрожали, бледное лицо покрылось красными пятнами, глаза наполнились слезами.

– Это я, Энни. Ты привыкнешь, – тараторил я, подбирая слова, чтобы её успокоить. – Так получилось. Не знаю как. Я просто писал портрет под свою мелодию. Но оков больше нет, посмотри! Мы можем бежать!

– Вилли – мой жених! Я никуда без него не побегу!

– Я и есть Вилли. Успокойся, ты привыкнешь ко мне. Я изменился только внешне, уверяю тебя. Бежим! Отец приютит нас, – взял Энни за руку, но она вскрикнула и вырвала её, будто дотронулась до огня, и отвернулась. Прошло еще несколько минут уговоров. Энни сдалась. Протянула мне еду, которую принесла. Я постарался поймать её взгляд. Напугана. Но все-таки она посмотрела прямо в глаза, и стало понятно, что Энни немного приходит в себя или начинает мириться с неизбежным. Стараясь не потерять момент, я схватил её руку, прижал к губам и прошептал:

– Энни, послушай, – в любую секунду может появиться Такер. Надо спасаться. Тут не только мы с тобой. Подумай про Пита.

Я видел, как изменился взгляд Энни. Она больше не боялась. Возможно, узнала меня. Я взял её за руки, и она не отняла их. Напротив, она сжала мои ладони, а в её глазах появилась надежда.

– Бежим, любимая? – Я слегка потянул Энни к себе.

– Да! – с готовностью выдохнула Энни, и мы побежали на соседнюю улицу искать кэбмена.

Глава 23

Я свободен, красив, но несчастен. Моя новая внешность отдалила от меня Энни и Пита. Они общаются со мной как с чужим. Мы поселились в доме отца. Он рассчитал прислугу, и теперь Энни делает всю работу по дому. Мы подолгу говорим с ним. Отец принял бы меня любого, как бы я не изменился. Кровные узы не дают глазам обмануть сердце. Но Энни всё ещё не может привыкнуть ко мне новому, и наша любовь под угрозой. Я сказал, что буду ждать. На днях я пригласил её прогуляться по городу. Целый час прождал на площади Пикадилли, но Энни так и не пришла.

Зато на углу Риджент-стрит меня чуть не сбил с ног хромой пьяница, перепачканный грязью вперемешку с кровью. Видно, избивали его страшно. Рваная рана на правой кисти кровоточила. Я его поддержал и чуть не закричал – Такер!

Лица не узнать, одни серые глаза горят, как и прежде И по голосу:

– Что выпучил глаза? Ну, споткнулся и что? – мой похититель еле ворочал языком.

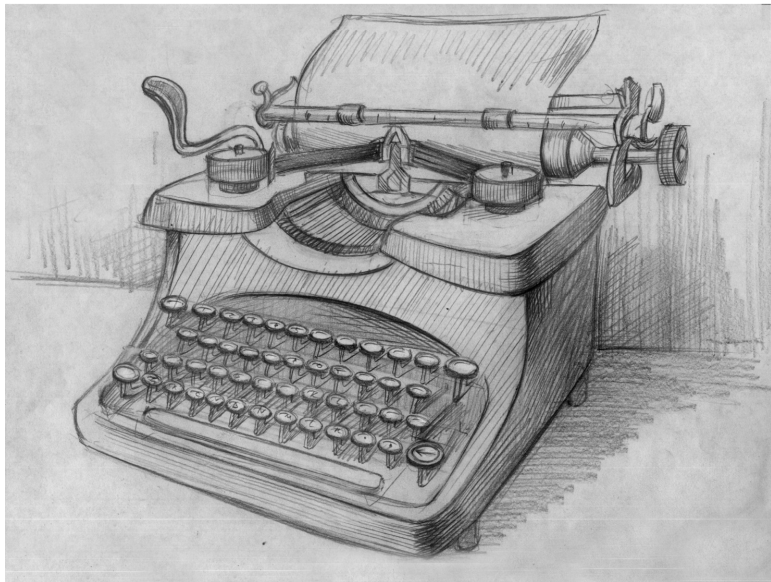
Я сначала запаниковал, но через пару секунд успокоился – Такер не мог меня узнать. Внезапно вытащил пять фунтов и сунул ему в руку: "Сэр, это всё, чем я могу вам помочь. Купите лекарства, обработайте рану." Такер взял деньги, буркнул слова благодарности и побрел дальше. Через пару секунд он обернулся. Я все еще смотрел на него. Он махнул мне рукой и сказал что-то, но было не понять. Такер уходил, и с ним уходили мои страдания. Как будто были на мне невидимые оковы. Наконец, я избавился и от них.

Пикадилли – удивительное место. По лондонской легенде, если долго стоять там, то обязательно встретишь знакомого. Вот я и встретил...

Недавно я переехал к другу Виолы. Его зовут Сэм. Он студент-медик и совсем не похож на моих собратьев по кисточке. Цитирует Шекспира страницами. Значит, не один я такой на свете! Представился ему Оскаром. Теперь у меня новое имя и новая жизнь. И работу я тоже сменил. Началось всё с того, что я шел по улице и увидел в витрине магазина пишущие машинки – Ундервуд, Ремингтон, Хаммонд. Особенно мне приглянулся Ундервуд. Я застыл словно увидел не вещь, а родного человека. Захотелось потрогать эту диковинку и просто напечатать какое-нибудь предложение. Но

это желание сразу сменилось другим – напечатать повесть о моей жизни, о жизни Вилли и его даре.

Виола помогла мне купить тот самый Ундервуд, много бумаги, и я принялся за работу. Поначалу моя писанина казалась такой неумелой, порой даже глупой. Но отказаться от неё я уже не мог. История рвалась наружу. Сэм прочитал первые страницы и сказал, что я вполне мог бы работать журналистом. Я не поверил сначала – дружеская поддержка, думал, но потом отнёс начало повести в издательство газеты "Новый век", где теперь и работаю. Две недели всего, но у меня, говорят, неплохо получается.

Всё бы ничего, но я скучаю по прошлому. Пробовал снова начать рисовать – не выходит, не могу. Скучаю по Энни. Я готов ждать её сколько угодно, хоть предчувствия у меня самые плохие. Энни жалела Вилли, а Оскар не вызывает никакой жалости. А ещё я заходил в свой старый дом, но не нашёл Спайди. Паук, наверное, понял, что я не вернусь и убежал. Мне совсем не хочется рисовать, но постоянно тянет к месту, с которым так много связано. Я долго стоял напротив мастерской мистера Бернадетти, на другой стороне улицы.

Смотрел на силуэты учеников в окнах, и как Мэри выплёскивает грязную воду. Вспомнил, как она мне когда-то нравилась. Она и сейчас красивая. Но с Энни никто не сравнится. Из дома вышла миссис Бернадетти. Пышно разодетая и с корзинкой Собралась на рынок или по магазинам. За ней по пятам вышагивал Бруно.

– Домой, Бруно! Иди, дружок! – махнула рукой миссис Бернадетти.

Кот послушался, развернулся и тут он заметил меня.

Хорошо, что миссис Бернадетти была уже далеко и не увидела, как её любимый кот несется через дорогу и прыгает на руки незнакомому парню. Бруно лизал мне лицо, урчал и тёрся о меня головой Он видел за моей новой внешностью прежнего Вилли. Мы с Бруно помнили всё, что нас связывало.

И мою драку с громилами-грузчиками, и мышку, которую вымела Мэри, и мой кекс, отвоёванный Бруно у Сиды.

Кот помнил каждое моё прикосновение. Это был наш ритуал – я гладил его, а он давил лбом в мою ногу и пел своё тихое: "Р-р-мя".

Так Бруно вынудил меня украсть его. Господи, прости мне этот грех. Миссис Бернадетти, наверное, очень расстроилась. Но кот сам решил, с кем ему жить.

Когда я печатаю на машинке, Бруно ложится слева от неё на стол. Я печатаю пока только правой рукой. А левой глажу кота. Его урчание помогает мне писать. По-моему, у Бру-

но волшебный дар превращать мои рукописи в чудо. Давай,
Бруняша, урчи громче!

Иллюстрации Вероники Гусамовой